

Аромат тьмы

Автор:

Ольга Гусейнова

Аромат тьмы

Ольга Вадимовна Гусейнова

Пока кто-то мечтает о большой и чистой любви и богатстве, Олеся желает малого: стать известным дорогим адвокатом.

Но жизнь и Мироздание преподносят сюрпризы. И вот она уже в другом мире, в логове черных магов.

Приятно, что теперь обладает магией. Обидно, что сомнительной.

Вместо прекрасного принца – жуткое чудовище. Место обитания не дворец, а запущенный замок.

Но успешной целеустремленной девушке все по силам. Олесе всего-то и нужно сбежать из замка, освоить магию, а чудовище перевоспитать. Ведь в правильных руках любой монстр может стать приличным мужчиной.

Ольга Гусейнова

Аромат тьмы

Создал Бог землю, а дьявол ему назло создал океан.

Создал Бог солнце, а дьявол ему назло создал тьму.

Создал Бог юриста, а дьявол подумал немного и создал... еще одного юриста.

(байка)

Глава 1

Ритуал

Незнание закона не освобождает от ответственности, а вот знание – да!

(поговорка)

Небольшой сумрачный зал явно давно заброшенного храма освещают лишь несколько свечей и пара факелов, закрепленных в настенных кованых зажимах в виде жутковатых, скрюченных, когтистых рук. Пламя дрожит, нещадно коптит, но черный дым быстро разгоняет ветер, свободно гуляющий по точно древнему, очень древнему храму. Вон все стены в трещинах, полы под толстым слоем песка, который намело сюда из всех щелей и высоких узких дверных проемов. От дверей только ржавые петли и остались. За древними стенами царит ночь, тихая, нарушаемая лишь шелестом деревьев да стрекотней насекомых.

В центре храма возвышается внушительный алтарь, то что это именно он ошибиться невозможно. И не потому, что сплошь покрыт рунами и буквально пульсирует скрытой в нем энергией, а потому что прямо сейчас на нем лежат две обнаженные девушки. Обе красивые, молодые, даже юные, лет двадцати, наверное. И словно две стороны одной медали, темной и светлой.

Неотразимая красота первой меня поразила: овальная форма лица с правильными, благородными чертами; фарфорово-гладкая, белая кожа; иссиня-черные волосы темной волной стекают с грубого каменного «ложа» до пола; черные дуги бровей и пушистые ресницы подчеркивают большие, чернильно-черные глаза... из которых будто сама бездна наблюдает за происходящим. Идеальные черты лица неподвижны, даже аккуратные ноздри изящного носа не трепещут. А вот губы, розовые, мягкие, чувственные, напряженно сжаты. Хотя

обнаженное тело, будто напоказ выставленное в выгодном свете, полностью расслабленное.

Вряд ли я видела хоть раз в жизни такие совершенные формы, скорее всего – нет. Чересчур гармонично и идеально «скроена» брюнетка. Уязвимая линия шеи, ключиц и изящных плеч; руки, которые, не знают тяжелого труда, с узкими кистями и тонкими запястьями. Небольшая, но при этом высокая упругая грудь с розовыми торчащими вершинками, узкая талия, округлые бедра, между которыми черный треугольник волос стыдливо прикрывает женскую суть. И ноги – недостижимая мечта любой топ-модели: длинные, ровные, с идеальными коленками и небольшими аккуратными ступнями. В общем, девушка во всех отношениях – мечта художника и модельного агентства.

Рядом с ней на черном шелковом, судя по блеску ткани, покрывале лежит вторая девушка, тоже красивая, но по-другому. Золотистые волосы, заплетенные в толстые длинные косы, лежат вдоль тоже полностью обнаженного расслабленного тела. Кожа с золотистым загаром; очень милое, очаровательное личико с веснушками на слегка курносом носике и округлых скулах. Брови вразлет, густые и пушистые ресницы, осеняющие раскосые голубые-преголубые глаза, в которых словно небо отражается. И пусть фигура этой девушки не совершенна, как у первой: и бедра широковаты, и ноги коротки, грудь размера четвертого и тяжелая на вид, но, на мой взгляд, эта красотка гораздо привлекательнее, ближе, привычнее, приятнее. Я и сама такая... была... мое тело было, правда, попроще, не столь яркая.

Я невольно сравнивала двух девушек: одну – само совершенство, но ледяную, далекую от всех и вся, словно созданную кем-то исключительно для поклонения; и вторую – хорошенькую, зато милую, земную и будто наполненную светом и теплом. Такой любишься и душа радуется! Душа... Невольное восхищение девушками, каждой по-своему, быстро сменилось на страх и сомнения: ой, а они живые? Лежат неподвижно и в широко распахнутых глазах обеих абсолютная пустота. Присмотревшись, отметила, что девушки дышат. И что их занесло в это страшное место, на алтарь?

Скорее всего мужчина, который стоит рядом с алтарем. Станный какой-то, в непривычной мне темной одежде: серая рубаша со шнуровкой на груди и свободными рукавами с зауженными манжетами, поверх нее плотный кожаный жилет до бедра, застегнутый на металлические пуговицы, кожаные потертые шорты до колена, из-под которых видны чулки грубой вязки, немного вытянутые

на коленях. Но смешным это одеяние не выглядит. Похоже на старинные колет, кюлоты и шоссы, насколько мне известно. Завершают вполне средневековый наряд сапоги с коротким голенищем, в таких наверняка удобно ходить по горам и лесам. На талии, поверх колета, широкий пояс, на котором слева прикреплен небольшой кошель и длинный нож, стилет. А справа – другое оружие, побольше и подлиннее, я в нем совсем не разбираюсь. Кажется, что этот незнакомец сюда прямиком из дремучего средневековья попал, или ролевики реконструкцию делают. Жаль, но я точно знаю – это не так.

Высокий, статный, брутальный брюнет с черными глазами и недельной щетиной на тем не менее красивом лице. Хотя и у него в глазах пусто и стыло, словно внутри все умерло, давно и безнадежно. Придвинув ближе к девчонкам свечи, отчего по стенам заметались причудливые, жутковатые тени, он неторопливо развернул лежавший на алтаре тряпичный сверток и достал из него чуть загнутый кинжал с прозрачной рукояткой, в которой что-то едва-едва светилось.

О, неужели магия?

Под пострадавшим от времени сводом храма зазвучал сильный, хрипловатый голос таинственного мужчины, вставшего в изголовье брюнетки, – гипнотически завораживающий речитатив. Попутно он рисовал на ее груди... руны – выводил их на коже острием кинжала, пуская кровь. Делал это неспешно, так, словно каждый жест, каждый хвостик сложнейших «иероглифов» отрепетирован и заучен до автоматизма. Затем, не отвлекаясь, он переместился в изголовье блондинки и повторил те же самые рисунки. Опять вернулся к первой девушке, не прекращая таинственную певучую речь.

Я содрогнулась до глубины души, когда мужчина со всего маху вонзил кинжал между идеальных полушарий груди брюнетки, отчего та выгнулась и захрипела. Боже, она умирает! Дальше я в ужасе наблюдала, как рукоять кинжала наполнялась странной черной субстанцией, которая, словно кошмарный паразит, тягуче медленно, неохотно, покидала тело жертвы.

Мужчина мгновение подождал, похоже, чтобы убедиться: вся ли чернота вышла? А у меня мелькнула странная мысль: может все не так как выглядит? Мне кажется? И этот злодей вовсе не злодей, а спаситель? Мелькнула и пропала, потому что в следующий миг кинжал вонзился уже в грудь солнечной блондинки, а чернота – или тьма? – из рукояти так же жутко начала стремительно перемещаться в ее тело. Девушка-солнышко выгнулась,

захрипела, ее тело засветилось, затем забилось в конвульсиях. В нем явно шла какая-то борьба, встревожившая мужчину, – он резко выхватил из-за пояса второй нож и быстро, но предельно внимательно и тщательно начал рисовать еще руны на бьющемся в конвульсиях теле. Тембр его голоса стал глубже, как-то плотнее, как если он не призывал, а приказывал.

Блондинка перестала биться в судорогах, ее тело обмякло, затем от него отделилось золотистое, призрачное отражение. Душа?.. Это она зависла над покинутым телом? Я всей сутью ощутила отчаянное страдание и боль изгнанной светлой души. Она пыталась коснуться груди, своей недавней физической оболочки, из которой торчала рукоять злополучного ритуального кинжала, правда теперь совершенно пустая – вся тьма впиталась в новое тело.

Витая под потолком храма, я воспринимала творившееся внизу как фильм ужасов. Сочувствовала, соболезновала, тряслась от страха, но отстраненно, именно как происходящее на экране. Страшно, но где-то там. А тем временем изгнанная светлая душа пыталась пробиться обратно, отвоевать собственное тело, но изгнавшая ее тьма отторгала, обжигала, заставляла одергивать призрачные руки. Голос мужчины, который вновь передвинулся к изголовью брюнетки, звучал все громче, настойчивее, отдаваясь и внутри меня странным, тянущим зовом. Я даже невольно приблизилась, чуть-чуть подлетела к алтарю, поддавшись этому призыву-песне.

Наконец, светлая душа окончательно осознала, что путь «домой» ей заказан, там обосновался кто-то гораздо более сильный, наглый, беспринципный и битва проиграна. И обратила внимание на неземную красотку, что по-прежнему лежала бездыханной рядышком, а ведь уже минута, наверное, прошла, как ее убил этот непонятно кто: то ли спаситель, то ли черный жрец-извращенец. Смиренная душа решилась коснуться чужого тела, чтобы занять хотя бы его.

Но то, что произошло дальше, похоже, не только я, но и призрачная душа не ожидала. Стоило ей коснуться тела брюнетки, как прекрасная, белоснежная кожа той вспыхнула кошмарными, пылающими самой тьмой рунами. А изгнанная душа не просто в ужасе, а в какой-то дичайшей inferнальной панике отпрянула от помеченного тьмой тела и кинулась прочь... мимо меня. Зато я познала значение слова «крик души». Душа убитой золотоволосой девушки не просто кричала, ее вопль ужаса меня оглушил, заставив растерянно наблюдать за тем, как она исчезает в неожиданно возникшей вспышке яркого света.

Я поздно осознала, что от хорошего с воплями не удирают, надо бы и мне побыстрому убраться из этого чудовищного места, в котором столь неожиданно и совершенно непредсказуемо очутилась. Но все произошедшее незадолго до этого настолько дезориентировало, что я действительно воспринимала происходящее как страшное кино, а не реальность. Я отвлеклась на чужую душу, за что и поплатилась.

Голос жреца сильно, отчаянно громыхнул под сводами храма, а на меня будто удавку накиннули – сдавили что есть силы и потянули вниз. И как совсем недавно, словно на убой овцу на веревочке, пусть я не менее отчаянно и громко сопротивлялась, потащили к телу брюнетки. Что я там недавно думала: неземная красота? Плевать! Только не туда! Только не в это тело, сплошь покрытое пылающими черными рунами, от которого приличная светлая душа в сумасшедшей панике удрала. Но кто б меня слушал?! Момент моего слияния с чужой физической оболочкой оказался настолько шокирующим событием, что лишил последнего – сознания.

– Лесира, можно напоследок я возьму это тело? – будто сквозь вату донесся до меня глубокий голос жреца, совершенно безэмоциональный, бесстрастный и бездушный.

Из забытья меня выдернул не его жуткий, ледяной голос, а ощущение... будто мне на бедро легла теплая ладонь. Мне? На бедро? Но пока мои мысли и чувства пытались прорваться сквозь странную вязкую муть, кто-то рядом со мной продолжал разговор.

– Не смей к ней прикасаться! – злобно рыкнул неожиданно звонкий девичий голосок.

– Но почему? Ты давала зарок вечной девственности, чтобы усилить свою магию, а этому телу невинность больше ни к чему! – ледяной, бесстрастный, даже немного флегматичный голос жреца совершенно не сочетался с омерзительным содержанием слов.

– Потому что я так сказала! – мне почудилось, что рядом взревела сама бездна, столько ярости и злобы было в этом звонком, но исковерканном интонацией голосе.

Ей парировал на самую капельку более эмоциональный, в виде толики злости, голос жреца:

– Ты – моя пара! Я отдал тебе все, что имел. Жизнь! Душу! Титул! И свои земли! Ради тебя я отказался от всего, убил семью и друзей! Так почему ты отказываешь мне в столь малом – лишить невинности твое бывшее тело? Хоть напоследок насладиться его жаркой глубиной...

– Элиан, ты как маленький, право слово! – хрустальным перезвоном ответил ему женский смех.

И как она так может: сначала реветь, подобно бездне мрака, а потом звенеть весенним ручейком?

– Нет, просто на пути к могуществу и власти ты забыла, что я, прежде всего, мужчина. Твой истинный, твоя пара. И слишком долго не имел права взять свое, – в мужском голосе скользнул оттенок горечи и усталости.

– Элиан, я запрещаю тебе прикасаться... к ней. Во-первых, ты мой! А это тело уже чужое! Хоть и во-вторых, но еще более важно, в нашем мире, даже в самой глухомани, все слышали про Черную Лесиру-Девственницу! И ни у кого не должно закрасться и толики сомнения, что она – не я. Ты понял меня?

– Тогда ты согласишься, наконец, стать полностью моей? – глухо, совершенно пустым голосом настаивал мужчина.

– Тогда я снова буду свободна! От зарок, клятв и долгов! От всего!

– И от меня?

– Клянусь Тьмой, я не понимаю, что такого в этом действе, что ты... да и все на нем помешаны? Грязный, примитивный акт. По сути, не несет ничего полезного, кроме размножения...

– Так ты станешь, наконец, моей? – неожиданно жестко оборвал ее мужчина.

Разговор пугал меня все сильнее, но отвлекали ощущения. По коже прошелся прохладный сквозняк, спиной и крестцом я ощутила неровности твердой, кажется, каменной поверхности.

– Конечно-конечно, любимый, – пропел хрустальный ручеек, щедро расплескав яд своих вод и явной лжи. Рядом что-то шевельнулось и моего носа коснулся легкий цветочный запах, смешанный с капелькой женского пота. А следом эта черная змея уже напряженно спросила: – Почему она никак не очнется? У нас почти не осталось времени, ведь однозначно кто-то мог засечь выплеск древней магии...

На мое обнаженное бедро вновь легла чужая теплая ладонь, позволяя робко предположить, что я вновь живая. С телом! Точнее – в теле! Но сумбур радостно-испуганного хаоса в моей душе усилил словно механический голос того самого Элиана:

– Во время ритуала что-то пошло не так. Мне даже пришлось усиливать призыв, я до дна исчерпал свой резерв, забравшись и в жизненную силу...

– Не волнуйся, при первой возможности я верну тебе утраченные годы и здоровье, – отмахнулась девушка, а вот дальше уже задумчиво добавила: – При смене тела я остро запомнила лишь жар ее света, но быстро подавила сопротивление... Странно. Но ты верно поступил. Иначе бы наш идеальный план сорвался и преследование однозначно продолжилось. Раньше или позже.

– Знаешь, ты справилась с ней легче, чем мы думали, я ни на миг не потерял нашу с тобой связь истинных. И чувствовал тебя как никогда сильно. А вот дальше что-то резко изменилось. В какой-то момент я тоже ощутил жар истинного света и поводок порвался. Пришлось судорожно создавать новую петлю и раскинуть сеть шире, чтобы поймать беглянку и вернуть обратно. Мне удалось, хотя сопротивлялась она сильнее прежнего, выкачивая из меня жизнь и силу. Эта деревенская простушка оказалась не так проста...

– Главное – у нас все получилось! Осталось добраться до Кверега и все завершить! – радостно заявила девушка, а потом мою щеку буквально ошпарила сильная пощечина, отчего моя голова мотнулась в сторону.

Распахнув глаза, моргнув пару раз, я в полном изумлении уставилась на ту самую золотоволосую девушку, что недавно лежала на алтаре. Нет, на ту самую, душа которой в ужасе улетела к свету, выселенная непроглядной тьмой. Теперь полностью одетую и выгладевшую полной сил. Меня прошило от макушки до пяток чудовищным осознанием: все виденное в храме – не страшный сон! Не кошмар, после которого можно проснуться и забыть, всего лишь сходяв в душ и выпив чашечку горячего чая.

В панике я вскинула руку, чтобы убедиться в страшном: да-да, тело той черноволосой красавицы теперь мое. Хорошо без кровавой дырки в груди, куда, я же видела, вонзили кинжал, и кошмарных, пылающих тьмой рун, больше не было. Я даже приподнялась на локтях, испуганно осматривая себя, такую совершенно новую и белокожую. Наверное, те жуткие черные руны были для ритуала переноса душ, если исходить из смысла только что подслушанного разговора и недавнего кошмарного зрелища. К счастью, хоть дырка от кинжала каким-то волшебным образом исчезла. Магия, не иначе!

Беспроблемное владение телом помогло наконец осознать и даже прочувствовать, что я не только целехонькая, но и совершенно голая валяюсь на алтаре, покрытом тонкой черной тканью, а по храму гуляет холодный сквозняк, да на меня смотрят две пары глаз. Нисколько не сочувствующих глаз. Скорее – наоборот.

В некогда небесных глазах золотоволосой девушки-ромашки поселился мрак. В отличие от меня, голый, эта переселенка уже оделась в непривычный костюм – серую рубашку с широким воротом на единственной пуговичке сбоку и пышными рукавами, сужающимися к запястьям. Поверх рубахи колет из плотной темной ткани с незатейливой черной вышивкой; на широком поясе висят нож и кошель. Опустив взгляд вниз, я увидела на ней черные юбку и штаны, заправленные в грубые высокие ботинки со шнуровкой.

Вторая пара глаз – пустых и безжизненных – небритого брюнета, одетого как средневековый охотник. Ну на него я уже раньше насмотрелась. Вместе преступная парочка выглядит весьма колоритно: невысокая девушка с нежным веснушчатым личиком и мрачный красавчик здоровяк.

Настороженно разглядывая незнакомцев, я села на алтаре, свесила ноги и, подтянув к себе черную ткань, старательно в нее завернулась. Руки-ноги двигались как родные, даже головокружения не было. Но радоваться новому

красивому телу не было сил, ведь в голове билось – это не сон! Смерть, переселение душ, убийство – реальность! Причем, моя!

– Почему у нее глаза синие, а не черные? – ошеломленно выдохнула девушка, глядя на меня жуткими, теперь не голубыми, а абсолютно черными зенками.

Но ведь синий – мой собственный цвет глаз...

– Глаза – зеркало души, – невольно выдохнула я известное изречение.

Сказала и замолчала, удивленная звучанием своего нового голоса – грудного, без прокуренной хрипотцы, а с милыми мурлыкающими, кошачьими полутонами Людмилы Касаткиной, которая озвучивала Багиру в «Маугли». И осознала, наконец, что мы, похоже, говорим на одном языке, ведь я их прекрасно понимаю, хотя речь звучит инородно для моей памяти и артикуляции языка.

– Ты кто? – неожиданно мягко спросила девушка.

Я было открыла рот, чтобы в духе натренированного офисного планктона и заучки-студентки представиться Олесей Викторовной Щепкиной, но в последний момент прикусила язык и образцово вытаращила глаза – пресловутый инстинкт самосохранения сработал. А потом тихонечко, испытывая вымораживающий душу страх, дрожащим голосом пролепетала свою версию:

– Не помню.

– Откуда ты? – с любопытством уточнила черноглазая бестия.

– Не знаю, – продолжила врать я и невольно подняла взгляд к потолку.

В памяти всплыли недавние события, кардинально изменившие мою жизнь, которые я столь беспечно пыталась списать на дурной сон. Сегодня был мой первый в жизни корпоратив на первом месте работы. Я – новоиспеченный юрист всего с двухнедельным стажем, а именно – стажер адвоката или лицо, имеющее намерение приобрести статус адвоката, проходящее курс целевой практикоориентированной подготовки, включающей изучение теоретических вопросов и приобретение практических навыков, необходимых для

осуществления профессиональной адвокатской деятельности. Вот! Выучила! Когда заключала договор с небольшой, но вполне приличной адвокатской коллегией.

Лето, природа, жара и шашлыки в компании с коллегами. Наше руководство решило, что такие мероприятия помогают сплотить коллектив и способствуют отдыху от напряженной, но плодотворной работы. В общем-то мне очень повезло с коллективом. Если бы не гроза, нагрянувшая внезапно, как говорится, на ровном месте, и разыгравшаяся настолько стремительно, что во вмешательство высших сил сложно не поверить.

На берегу лесного озера началась суматоха, сборы, чтобы убраться из грозового фронта на машинах. И тут в дерево, под которым мы расположились, ударила молния. Паника, ужас, крик. Народ бросился врассыпную, а я замешкалась на секундочку. Потом вспышка, с головы до ног разрывающая боль – и все...

В меня ударила молния, потому что душу буквально вышибло из тела. На миг я зависла над ним, с содроганием и ужасом разглядывая мое изувеченное бедное тельце, беспомощно лежавшее в позе звезды на подкопченной траве. Тем временем вокруг набирала силу стихия, очередная молния ударила в дерево в нескольких метрах дальше, оно вспыхнуло как факел.

Господи, как же было страшно, не передать словами. И дико захотелось жить! Да только высшие силы рассудили иначе: в этом мире мой жизненный путь завершен. И меня, как бы это странно не звучало, куда-то понесло, влекло и звало, не голосом, а будто на невидимой веревочке заставляло следовать за кем-то или кем-то. Тот момент оказался настолько жутким, когда все, что ты считаешь собой, – внизу, а ты, бестелесный и незримый, неизвестно чем влекомый, – летишь прочь. Отчего душа загорелась отчаяньем, злой обидой за все неисполненные мечты, разрушенные надежды, так и не случившуюся великую любовь и не найденную половинку.

Мой яростный, обвинительный непонятно кому выплеск завершился столь же неожиданно, как и случилась моя смерть. Со всего маху меня, можно сказать, шмякнули о невидимую, сверкающую стену, была бы живой, тело бы точно размазало тонким слоем. Будто кто-то закрыл передо мной заветную дверь. А в следующий момент мое движение возобновилось, но в другую сторону!

Мамочки! Неужели за вопли и стенания меня наказали и отправляют не к свету, а во тьму? Но очередной душевный «посыл» накрылся мраком! Нет, сначала все вспыхнуло ярким светом, а потом мигнуло и погасло.

Моя слепота длилась, казалось, мгновение, но теперь я своим чувствам не доверяла. И, очутившись в незнакомом месте, парила в виде призрачного нечто под куполом, сдерживая душевные порывы и эмоциональные послы, а то мало ли какие еще двери закроют или в какую дыру отправят. Хотя куда уж хуже заброшенного мрачного храма, где жуткий мужик к моменту моего появления уже во всю проводил дикий ритуал по изгнанию светлой души и переселению в ее тело черной.

Правда, к концу ритуала и к началу разговора с участниками темной мокрухи я больше не мучилась вопросом: почему меня именно сюда отправили?! Ибо важнее придумать, как остаться в живых и не лишиться так неожиданно полученного нового тела. Да-да, о произошедшей смене тела я тоже подумаю потом! На данном этапе оно у меня есть и не самое завалящее.

– Что ты помнишь? – хрустальный голос Лесиры, если я верно расслышала ее имя, нехорошо звякнул.

Таращась на нее как баран на новые ворота, я судорожно решала, что же говорить и какую линию поведения выбрать без ущерба для своего новообетенного тела. Наконец, отыграв «безрезультативный поиск воспоминаний», я испуганно проблеяла:

– Ничего, кажется...

– Совсем? – глухо поторопил ее сообщник, сощурился, как оказалось, темно-карие, вполне обычные глаза, невольно подсказав, что я ответила не верно.

– Меня кто-то ударил по лицу, – добавила обиды в голос и непонимания, – за что? – Растерянно осмотрелась, демонстративно удивленно распахивая пошире глаза: – Где я? И кто вы?

– Неужели не знаешь, кто я такая? – милое личико девушки искривила совершенно неподходящая улыбка-оскал.

Я непритворно судорожно сглотнула, качнув головой. Все лучше, полнее, «качественнее» ощущала свое новое тело, заработали органы чувств, приглушенные недавней смертью, дезориентацией и переселением. А еще эмоции, черт их дери, захватили власть, сдавливая от страха сердце, не ровно бившееся.

– Нет, а должна? Вы моя родственница? Подруга? – я с притворной надеждой, стараясь выглядеть убедительной, смотрела на нее, невольно потуже заворачиваясь в черную тряпку, будто та была способна меня защитить.

Девушка с мужчиной переглянулись, словно телепатически пообщались, затем, кивнув, она скользнула ко мне, приобняв за плечи. И вкрадчиво-сочувствующим голоском поведала:

– Ты Лесира Майло джан Кверег. Хотя в народе тебя зовут проще – Черная Лесира-Девственница.

Мысленно я срочно выстраивала цепочку событий с фантастической подоплекой. Думается, ритуал по смене тел был затеян не просто так, а чтобы спасти один зад и подставить другой. С учетом того, что тело брюнетки теперь мое, то и будущая жертва подставы – я. В душе я билась в истерике, мечтала о появлении полиции и какого-нибудь героя, который спасет меня несчастную, неповинную, но лишь хлопала непривычно длинными ресницами и тарасилась на зловещую парочку. Сейчас нет ничего важнее информации. И пока возможно, ее необходимо собрать как можно больше.

– О-о-о... приятно познакомиться, но почему так... грубо? Черная Лесира... еще и про девственность зачем-то уточняют? Я что-то сделала неправильно? Или это насмешка? – мой мурлыкающий грудной голосок перешел в хриплое сипение.

Девушка равнодушно пожала плечами:

– Девственность – факт, а не насмешка. Не каждый может блюсти чистоту своего тела ради высшей цели. Ты сильнейший черный маг нашего мира, таких все боятся и оттого ненавидят.

– Я маг? – без капли притворства опешила я.

Криминальная парочка замялась, видимо обдумывала, как мне сообщать важные сведения, чтобы не выдать себя. Наконец, Лесира-1 достала из кошелька штукуну, похожую на чупа-чупс. Как еще описать золотистый шарик на тонкой палочке с четко ощущаемым ароматом жженого сахара и карамели – не знаю. Сунув его мне под нос, приказала:

– Ну-ка, дыхни на него от всей души, так, чтобы из самого нутра шло.

Ну я и выдохнула, мне не жалко. Чупа-чупс не просто сменил цвет на черный – полыхнул маленьким факелом, чем вызвал недоумение на лице «эксперта».

– Не много ли осталось?.. – попытался уточнить мужчина у моей проверяющей, отметив ее резко помрачневшее лицо.

Но она, отрешившись от всего, словно внутрь себя смотрела, а потом, удивленно нахмутив брови, отвернувшись от нас, шепнула абракадабру и «чупа-чупс» снова стал похож на карамельку мутно-золотистого цвета. Затем уже сама Лесира, собравшись с духом, выдохнула на, как я поняла, артефакт, определяющий магию. Я, испуганно пискнув, отшатнулась. У меня так, свечка жалкая горела, а Лесира-1 дунула, как Змей-Горыныч, – вон вся стена напротив нее почернела и потрескалась. А вот «чупа-чупс» остался целехоньким и вскоре она отправила его в кошелек с самым довольным видом, ответив своему подельнику:

– Нет, тут нечто другое. Прежний дар по какой-то причине в корне изменился. Ритуал древний, малоизученный, всяких сопутствующих, неучтенных и неизвестных событий могло случиться предостаточно.

Я взмолилась:

– Я ничего не понимаю, о чем вы?

– Напоминаю, это мой муж Элиан, начальник замковой стражи. Я Велина Летняя, твоя троюродная кузина. Тоже немного маг. – Самозванка ехидно прищурилась, когда после замечания о «немного маг» я невольно глянула на почерневшую и потрескавшуюся стену напротив. Но продолжила говорить спокойно и ровно: – Мы живем вместе в твоём родовом замке Кверег. Тебя похитили из дома фанатики, те, кто ненавидит черных магов. Мы преследовали их попятам, но опоздали, потому что обнаружили тебя здесь, на алтаре. Лишенной твоей

привычной магии, еще и без памяти!

- То есть, я больше не черный маг? - осторожно уточнила я.

Она с исследовательским любопытством энтомолога, разглядывающего редкую бабочку, несколько секунд молча смотрела на меня, прежде чем ответить:

- В тебе однозначно есть тьма, Леси́ра, и ее достаточно. Но как она проявит себя дальше, я пока не могу сказать.

- То есть, она бесполезна, да? - расстраиваться из-за наличия во мне тьмы не стала, есть вопросы гораздо насущнее.

Ведь если бесполезна моя неожиданно приобретенная магия, значит и меня могут счесть бесполезной и ненужной. А память подбросила недавние кадры выгнувшихся и хрипящих тел с кинжалом в груди.

- Нет, ты крайне важна нам... сестра, - попыталась по-родственному улыбнуться мне псевдокузина, но вышла кривая, зловещая ухмылка.

Оказывается, не важно, какое у тебя тело, главное, какая в нем душа. И именно она рождает ту красоту, что либо есть в человеке, либо ее нет. Солнечный флер, который окутывал золотоволосую девушку, лежавшую на алтаре, полностью исчез. Теперь от нее исходил лишь холод и какой-то сладковатый запах, отчего-то пробудивший во мне странный голод.

- Время! - поторопил Велину-2 Элиан.

Велина - пусть пока носит чужое имя - кивнула, подтолкнула меня слезть с алтаря и сунула в руки стопку одежды, которую вытащила из сумки, лежавшей рядом с ней рядом. Следом еще и ботинки со стуком подбитых гвоздями набоек поставила у ног. Но ждать, пока я оденусь, у Леси́ры, мысленно я решила называть ее Велиной, не вышло. Я вертела здешнюю одежду, прикидывая, как и что надевать. Пришлось ей поработать моей сноровистой и явно раздраженной этим горничной.

Вскоре на мне были мягко облегающие бедра черные кожаные штаны с карманами, высокие ботинки, как у нее. Поверх черной, довольно тонкой рубашки с аккуратной шнуровкой на груди красовался синий плотный колет с изящной черной вышивкой, застегивающийся на стальные петельки. На плечи мне лег длинный темно-серый шерстяной плащ с капюшоном, ну а с тесемками на нем я справилась сами.

Я запомнила, как выглядела та неземная и холодная красавица с черными блестящими волосами, которая лежала на алтаре рядом с Велиной-1. Поэтому, спешно заплетая две косы до задницы, теперь мои собственные, раздраженно буркнула, ведь к такой длине не привыкла и всегда предпочитала каре:

– Может, отрезать волосы до плеч?

– Не смей! – яростно рыкнула бывшая владелица тела, заставив меня вздрогнуть от неожиданности. – Черная Лесира известна своей неземной красотой и длинными волосами... – и продолжила мягче, – волосы – магический накопитель, неужели ты хочешь лишиться себя части силы?

– Конечно, нет! Прости, – примирительно заверила я, а потом, кашлянув, прочищая горло от страха, намекнула: – Я же ничего не знаю. Ни про магию, ни про... обычаи и что там за этими стенами...

– Я помогу тебе все вспомнить, не переживай, – снисходительно, довольно улыбнулась она. – Сейчас нам необходимо срочно покинуть это место – вокруг одни враги и фанатики.

Ну что ж, пока я ничего не знаю, нам точно по пути.

Глава 2

Суровый мир

К молодому, подающему надежды юристу явился дьявол и говорит:

– Ты будешь самым знаменитым юристом в мире, не проиграешь ни одного дела, состояние твое будет увеличиваться с каждым днем, но за это ты мне отдашь свою душу и души твоих детей.

Адвокат задумался.

– Ну что ты так долго думаешь?

– Да все думаю, в чем подвох...

(анекдот)

Шагнув за порог храма, я застыла, глядя в небо, – пыталась принять тот факт, что занесло меня гораздо дальше, чем предполагала. Ведь смотрела в небеса чужого мира, с которых на меня взирали почти знакомая луна, только больше, отчего казалось, что она расположена ниже и ближе. Тьму космоса рассекала белесая туманность с дорожкой звезд, будто этот мир находится на краешке Млечного пути. Звезды и огромная круглая луна разгоняли ночную тьму, оставляя лишь сумерки. Как будто сейчас родные питерские белые ночи...

Мысль о родине полоснула по сердцу острым ножом, прежняя жизнь осталась в прошлом, к тому же в другом мире. И мечты, и цели карьерные и жизненные, верные друзья и моя шумная, многочисленная семья. Я четвертый и самый младший ребенок своих родителей, совершенно неожиданный и рожденный ими в приличном возрасте, но не менее любимый. Только сейчас дошло, что пока я тут пытаюсь выжить, там, на Земле, меня, наверное, хоронят, прощаются навсегда. Бедная моя семья...

– Не помнишь наше небо? – коварной змеей прошелестел тихий голос Лесиры-Велины.

Вздрагнув, я моргнула пару раз, возвращая четкость зрению, уж больно яркая здесь луна. Перевела взгляд на девушку и сипло ответила, настаивая на своей «легенде»:

– Оказывается, я совсем ничего не помню. Хорошо, хоть язык не забыла.

Мы замерли, глядя глаза в глаза, я боялась отвести взгляд, словно на меня уставилась смертельно ядовитая гадюка и в любой момент может кинуться, если дам слабину. Она уже кажется привычно, чуть склонив голову, изучая меня, неожиданно выдала:

– С пониманием языка как раз ничего необычного. Любой голос – это вибрации, они запоминаются аурой мира. Но языки отличаются в различных королевствах, поэтому аура мира походит на лоскутное одеяло, где каждый лоскут – память языка, используемого именно на этом участке. Если душа по какой-либо причине касается ауры мира, нарушает ее целостность, то получает ту самую языковую печать распространенных здесь вибраций. Или, проще говоря, память местного языка.

Внутренности скрутило холодным узлом, неужели меня разоблачили и знают об иномирном происхождении?

– А как же я? Каким образом я могла нарушить целостность мировой ауры?

Черные глаза девушки нехорошо вспыхнули перед расплывчатым ответом:

– Сложный вопрос; возможно, повлиял древний ритуал, он слишком мощный, мог затронуть и ауру мира.

– Откуда ты знаешь про вибрацию и столь необычное изучение местных языков? – решила полюбопытствовать я.

Велина, все же лучше называть ее этим именем и про себя, чтобы не проговориться нечаянно, пожала плечами:

– Знание – сила, поэтому я интересовалась многими научными исследованиями известных и не очень магов древности и современности. В свое время запоем читала легенды и мифы древности, в которых, как выяснилось, не все сказки, часто там спрятана правда. Поэтому многое знаю. И твой случай оказался не исключением, а правилом.

У меня в горле запершило, так захотелось спросить: если мой случай не исключение, значит были и другие иномирцы как и я, которые прорывали ауру

этого мира и она об этом читала? Что с ними стало? Кем они были и откуда? Но, скрипнув зубами, только сильнее сжала челюсти, проглотив вопрос. Иначе сразу спалюсь.

– Может быть, знание языка – память тела, поэтому и осталась со мной? – предложила я альтернативный вариант.

– Может быть, может быть, – насмешливо, беспечно хмыкнула Велина и разорвала наш зрительный поединок, отвернулась и легко сбежала по древним, покрытым трещинами ступеням.

А я, наконец, смогла судорожно выдохнуть от облегчения и оглядеться. Храм находится на крохотном, продуваемом всеми ветрами, плато. Вокруг него не горы, а каменистые холмы, покрытые жидким лесом и другой низкорослой растительностью. Прямо перед крыльцом у костра нас поджидали пятеро мужчин, один из которых уже знакомый Элиан. Четверо незнакомых в схожей одежде: длинных плащах поверх плотных колетов и темных рубашек, кожаных шортах и гетрах, и сапогах. За поясом ножи, шпаги и кошель. Они почтительно склонили головы, когда я догнала Велину:

– Леди.

Мысленно усмехнулась: подтвердились мои предположения. Спутники супругов выказывали уважение не мне, якобы сильнейшему и жуткому черному магу, хозяйке целого замка Кверег, а моей «троюродной кузине», жене всего лишь замкового «безопасника» Элиана. Но я «не заметила» чужой оплошности и натянуто улыбнулась.

А вот дальше произошло нечто, похожее, для всех, неожиданное. Из ближайших кустов вынырнули два монстра, походящие на адских гончих, и ринулись ко мне, вперившись жуткими глазюками, сверкающими багровым, inferнальным светом. Двухметровые «собаки» с сильно вытянутыми мордами, вернее, сплошными клыкастыми пастями, как у крокодила; от ушей до плеч топорщатся дикобразьи иглы; хвосты-хлысты с острым концом, как жало скорпиона. Бр-р!

Единственное, о чем я думала в тот момент, чтобы твари меня не достали. Взвизгнула, пространство будто мигнуло – а в следующий момент я осознала себя парящей над землей и в полном шоке разглядывала не менее изумленные

лица и... морды, которые тарасились на меня снизу. Я попыталась оглядеть себя, содрогнувшись от безумно-пугающей мысли, что вновь осталась без тела – и оказалась права. Только теперь я не светящийся сгусток души, который никто не видит, а довольно плотная черная... тучка, судя по блуждающим по мне изучающим взглядам, вполне себе видимая.

– Что со мной? – в панике выдохнула я и потрясенно слушала знакомый гортанно-тягучий кошачий голосок Пантеры Багиры.

Велина задумчиво обошла меня вокруг, пристально разглядывая и напряженно сжимая кулаки. Видимо, не только я напугалась, что теперь «тучка-тучка-тучка, а вовсе не медведь». Хотя ей нужнее, чтобы я была в теле Лесиры для каких-то коварных замыслов. Наконец она пробормотала:

– Физическая оболочка неустойчива и обычный испуг легко ее нарушил.

– Почему? – опередил мой вопрос Элиан.

Она посмотрела на него как на беспросветного двоечника и, поморщившись, пояснила:

– Энергия души и магия тела не совпали. Поэтому что-то ее изменило, полностью.

– И что делать? – прозвучало от нас с Элианом одновременно.

Отвечая, она смотрела только на мужа, без сомнений, взглядом передавая больше, чем говорила:

– Ничего. Тьму в ней ощутит любой маг – это главное. Наши планы не изменились.

– Так что она теперь такое? – решился спросить один из сопровождающих.

Вообще-то все четверо бряцающих колюще-режущим оружием воинов сверлили меня нехорошими взглядами. Если бы не Велина, точно прибили бы. А ведь совсем недавно я искренне считала, что черноволосая красавица на алтаре –

мечта всех мужчин. Оказалось, не всех!

- Ты оказался прав, Элиан, во время ритуала... фанатиков однозначно что-то пошло не так. Какой-то побочный фактор сработал, - раздумывая вслух, Велина следила за словами. Помолчала немного и обратилась ко мне: - Что ты чувствуешь?

Я сконцентрировалась на собственных ощущениях и честно выпалила:

- Голод. Есть хочу.

- Нас сожрать хочешь? - сухо и бесстрастно уточнил Элиан.

Я чуть не подавилась от подоплеки его вопроса и возмущенно заявила:

- Я не каннибал, не ем себе подобных!

Но мой взгляд невольно прикипел к адским гончим, что-то в них было такое... аппетитное, что удерживало внимание. Но притягивали не их тела, нет, а что-то в них самих, сладко пахнущее и вызывающее чувство тянущей пустоты внутри себя, которую хотелось заполнить.

- Мои раджаны понравились? - в голосе Велины совершенно не было напряжения или страха, лишь исследовательское любопытство.

- Нет, страшные они, очень, - тихо ответила я, не соврала почти, пугают однозначно, но к прежнему страху прибавилось нечто другое, странное и непонятное.

- Лесира, могу сказать точно, что теперь ты не совсем человек, а скорее магическое существо, - «порадовала» настоящая Лесира, тьфу ты, Велина.

- И что, я теперь так и останусь, тучей? - чуть не плакала я от отчаяния.

- Нет, - качнула головой Велина, - как только успокоишься, вернешь физическую оболочку. В конце концов, глаза же остались. Значит и остальное вернется.

Глаза остались? Это что – я теперь глазастая тучка? Кошмар! А Велина продолжила размышлять:

– Интересно другое, у тебя теперь только внутренний резерв или ты, как прежде, будешь черпать силу из внешних источников?

– Это как-то связано с тем, что я черный маг? Бывший? – хрипло уточнила я.

– Бывших черных не бывает, – отрезала Велина, но при взгляде на меня поправилась. – Только такие как ты, непредсказуемо и невероятно измененные.

– Причем тут резерв и источники? – не поняла я.

– Черный маг перерождается из темного в силу разных причин. Темных тоже не любят в народе, но они совершенно обычные, по сути, такие же примитивные стихийники как и прочие. Так вот, абсолютно все маги имеют внутренний личный резерв. И свои магические силы черпают именно из него. Соответственно их возможности и способности ограничены размерами собственных резервов. А вот черный маг не имеет ограничений, помимо личного резерва, он черпает энергию из внешних источников. Жизненная сила окружающих, чужая магия и многое другое. Поэтому возможности черного мага ограничены исключительно его убеждениями. Ты, Леси́ра, сильнейший черный маг современности с безграничными возможностями... была, до сего дня. Но ритуал тебя изменил и, судя по признакам, полностью.

– Это я уже поняла, – просипела я глухо.

Велина продолжила снисходительно-высокомерно просвещать:

– Любая магия требует подпитки, тем более, такие существенные трансформации, как случившаяся сейчас с тобой. Но теперь ты темное магическое существо, созданное из черного мага. Возникает закономерный вопрос: откуда ты будешь черпать энергию, изнутри или извне?!

Я запаниковала не на шутку:

– А вдруг у меня вообще нет резерва? И что тогда? Я испарюсь, как обычная туча? Или у меня закончится магия и я просто не смогу вернуть себе прежний человеческий вид?

– Ты должна научиться в любом состоянии ощущать свою магию, свой внутренний источник и резерв, чтобы всегда знать, в каком они состоянии. Научиться контролировать стабильность физической оболочки и переход в эту. Как только навык станет привычным, как дыхание, как сердечный пульс, физическая оболочка станет первичной, а вот эта...тучка – вторичной формой. И для перехода из одной в другую потребуется осознанное усилие и минимальные магические затраты. Я уверена, мы вскоре выясним, как ты будешь пополнять резерв.

– Спасибо за обстоятельный ответ, кузина, ты идеальный учитель, – искренне поблагодарила я, обретя немного спокойствия и уверенности.

Видно, ее слова стали тем самым стабилизирующим фактором, потому что следом я рухнула ей под ноги, больно ударившись о камни локтем и бедром. Правда, боль меня не расстроила, а наоборот – обрадовала, ведь это значит, что я снова я. С телом! И самое приятное, одетым, как и до трансформации!

– Назад! – рыкнула Велина адским псам и те послушно и униженно заработали хвостами-хлыстами, припав на передние лапы. Затем она приказала, указав на меня: – Охранять!

Таким охранникам я не обрадовалась, ведь они скорее конвоиры, чем телохранители. Понятное дело, представлять меня четверым незнакомцам незачем, мое тело тут все знали. А вот то, что их имена «напомнить» мне не сочли нужным, напрягло. Можно было напридумывать сколько угодно «почему». Но придумалось одно – возня со мной долго не продлится.

Дальше положение дел «Велина – госпожа, а я – особо охраняемая обуза» не скрывалось. Мне подвели лохматую низкорослую лошадедку. Остальные сидели на высоких, статных и холеных лошадях, хоть и мохноногих. Не без опаски, все же на лошадях я ездила раз пять в прошлой жизни на развлекательных прогулках по полю или в лесу, уселась в седло.

Мое корявое и неловкое «запрыгивание» в седло тоже не осталось без внимания, причем всеми спутниками, но лишь Велина криво усмехнулась, словно уложила еще один пазлик в большую мозаику. И вот, вытянувшись в цепочку, где мы с ней ехали бок о бок, наш отряд начал движение, спускаясь с плато по заросшей тропе.

Время – деньги, а в моем случае еще и жизнь, поэтому, немного освоившись в седле, спустя часик я решила отвлекаться от сложной каменистой тропы, нервной лошади и адских псов-конвоиров, чтобы продолжить добычу информации:

– Что это за храм? Чем он настолько важен, что фанатики, многим рискуя, потащили меня именно сюда на ритуал?

Судя по понимающей ухмылке, искривившей очаровательное лицо Велины, она знает, что ритуал прошел не совсем так, как она планировала. А может и то, что я иномирная душа тоже в курсе. Но решила подыграть моей «амнезии» из собственной выгоды, пока совершенно не понятной мне. Может, чтобы я без взбрыкивания вместе с ними добралась в Кверег для завершения их дела? Тем не менее, своим теперь, оказывается, темным магическим нутром я чувствовала, пока она делится со мной правдой:

– Это храм Церры и Рамоха, древних богов.

– И чем они знамениты?

– В начале времен боги создали несколько совершенно разных миров. Арим, наш мир, создали Рамох, бог первозданного Мрака и повелитель Хаоса, и его брат по небесным чертогам Мохар, бог света. Когда Арим окончательно созрел, на нем появились люди, но именно Мохар зажигал в них искру жизни, души. Поэтому все они были светлые. И вот в один из дней, гуляя по миру среди смертных Рамох встретил прекрасную Церру и настолько проникся ее красотой, что захотел подарить ей бессмертие и место рядом с собой. Но даже прикоснуться к ней не смог, обжегся светом брата, яркой искрой горевшем в ее сердце. Жажда обладания была столь сильна в Рамохе, что он решился на немислимое: создал кинжал из части своего тела и вонзил его в грудь прекрасной девушки так глубоко, чтобы достать до самого сердца и наполнил его первозданным мраком. Но свет Мохара был столь силен, что мрак не победил, а просто смешался с ним.

Так появился в Ариме первый темный маг. Со временем, благодаря коварному и мудрейшему Рамоху, мрака в сердце Церры становилось больше и больше, а она – сильнее. И вскоре вошла в чертоги богов полноправной женой Рамоха как богиня Тьмы. Этот храм построен на том самом месте, где мрак впервые смешался со светом, где была рождена прародительница темных магов. И пусть для обычных людишек там проклятое место, для любого темного – это священное место силы.

– Церра – богиня темных и черных магов? – уточнила я, проведя аналогию с моим ритуалом. И с содроганием от мысли, что мне в грудь вонзили часть тела какого-то бога.

Велина ощерилась, эта премудрая змея видела и понимала мои чувства и явно наслаждалась моим смятением и страхом.

– Нет, Церра – богиня обычных темных, в ней все же слишком много света осталось. Бог черных магов – Великий Рамох, наш покровитель и защитник, – с благоговением пояснила она.

Я решила приземлить тему, чтобы Велина-Лесири чего лишнего не заподозрила:

– Сколько мне лет, кузина? Есть ли у меня еще родные? Семья? Жених хотя бы, если уж я девственница?

Бывшая Лесири поморщилась, н-да, похоже, ей эта тема не нравится.

– Тебе тридцать шесть лет, – да она меня к виртуальному плинтусу прибила, ведь на Земле мне было двадцать три. Выходит, у меня украли целых тринадцать лет? – Нет, родных у тебя больше нет... кроме меня, конечно. Остальные умерли... по разным причинам. И жениха у тебя нет, ты мужчин не жалуешь в принципе.

Я вспомнила разговор преступной парочки в храме, когда измученный Элиан упомянул, что ради Лесиры убил всех, кого любил. И ее обещание вскоре вернуть ему жизненные силы. Легко. После объяснения, откуда черпает черный маг свое могущество, мне стало понятно, куда и каким образом исчезла вся семья Черной Лесиры-Девственницы. И почему она мужчин не жалует, тоже поняла, опять же из обмолвки в храме. Она ведь зарок дала, хранить невинность

ради увеличения магических сил. Общая картинка ямы, куда меня забросила судьба, становилась все более четкой и ясной. Значит надо продолжать расспросы, глядишь, и выход найдется.

- Я могу еще спросить? - осторожно и глухо спросила я.

Велина окинула взглядом постепенно расширяющуюся тропинку, которая вскоре обещала перейти в узкую дорогу, бегущую в лощине между холмами, и, пожав плечами, позволила:

- Пока можно, что еще тебя интересует?

- Меня интересует география Арима.

- География? - удивилась Велина.

Ой-ой, я опять чуть не выдала себя. И как ни в чем не бывало пояснила:

- Это наука о земля...х Арима и тех, кто на них живет.

Да что ж такое, чуть не назвала Арим Землей. Все равно дико любопытно: вдруг здесь не только люди живут.

- Любопытное название, раньше ты изучала аримологию, теперь называешь ее географией, - Велина снисходительно усмехнулась, подтвердив мои подозрения, что все ей обо мне известно.

- Фанатики проклятые виноваты, похоже сильно стукнули меня головой, пока в храм волокли! - проворчала я, в душе радуясь, что мы выбрались из каменных «джунглей» на не бог весть какую дорогу, но более ровную, глинистую и бегущую вдоль деревьев. Даже ветер стих и гуще запахло лесом.

Велина рассмеялась, красиво, завораживающе, словно журчание горного ручейка, а наши спутники удивленно оглянулись. Неужели для них это настолько редкое явление?

– Ну что ж, давай вспомним то, что знает любой мало-мальски образованный аримец.

– Давай, – поощрила ее робкой просительной улыбкой.

И была вознаграждена щедрым ответом:

– Арим состоит из трех огромных кусков земли, разделенных Великой водой. Один из них, Ридаш, слишком холодный, там лишь три месяца в году нет снега и едва-едва тепло, чтобы ненадолго прорастала трава. В это время многие твари, живущие в Великой воде, выползают на сушу, чтобы произвести потомство. Второй кусок, Шадар, слишком жаркий, там вечное лето и пески, которые способны высушить любого за неделю. Эти две земли мало заселены, к тому же людьми без капли дара. Вообще удивляюсь, как они выживают в таких кошмарных условиях. Третий кусок – это наш Тардаш, благословенный богами, плодородный и богатый животными, растениями, проживающими здесь народами. Народу, я бы сказала, даже перебор, из-за чего идут постоянные войны, междоусобицы, стычки и многое другое. В общем-то, здесь неплохо живется магам любой стихии. Ведь и на Тардаше магов не так уж и много, большая часть людей – пустышки.

– Мы на Тардаше живем? – прояснила я и попробовала разведать дальше: – В каком королевстве? И почему не можем уехать в другое, где к черным магам более лояльно относятся?

– Думаешь, так легко бросить все, что имеешь? Отдать чужакам? И бежать в неизвестность как последним трусам? – неожиданно разозлилась Велина, глубоко вздохнула и сквозь зубы призналась: – Это не так просто. К черным магам многие относятся с предубеждением.

– Ясно, – кашлянула я.

Мы проехали некоторое время, пока моя собеседница возвращала себе спокойствие, а я, как и она, складывала свою мозаику, только по ее жизни. Наконец, она, поймав мой изучающий взгляд, вновь криво усмехнувшись, продолжила:

– Да, твои земли и замок находятся на Тардаше, в восточной части, на границе с Нофдаром, в Лавере. Это два очень крупных королевства. В последнее время Лавер значительно усилился, и что-то мне подсказывает, придет время, когда он сможет подмять под себя всех ближайших соседей.

– Усилился? Благодаря нам, черным магам?

Велина передернула плечами и вновь зашипела, явно не сумев сдержать терзавшую ее ненависть:

– Никто не любит сильных, им только завидуют. Поэтому не жди любви и поклонения от кого-либо из ныне живущих. Пусть лучше боятся! Страх сильнее любви и надежнее для управления и подчинения.

Всадник, ехавший впереди тревожно крикнул:

– Клыки Рамдера!

– Надень капюшон, быстро! – рыкнула мне Велина, надевая свой.

Я поспешила выполнить ее приказ. Только подумала, что теперь нас вряд ли кто-то различит, да еще в ночных сумерках, завертелся хаос. Не к ночи будет помянут Рамох. Впереди, вдоль дороги, вспыхнули странные огни. Я не успела спросить, что там за клыки Рамдера такие зловещие, что даже наше сопровождение, несомненно, бывалые охотники заволновались. Рядом с моей мохнатой животинкой, вздыбив иглы, зарычали адские псы. Я даже испытала облегчение, что эти жуткие твари рядом, к таким ужасикам точно никто близко не подойдет, если жить хочет.

Но уже в следующую секунду я задохнулась от ужаса. Велина вскинула руки, выпуская в небо свою тьму, но одновременно с ней сразу несколько стрел просвистело мимо нас. Обоим адским псам досталось минимум по две – пронзили насквозь. Я в ступоре смотрела на светящиеся голубоватым оперением стрелы, псов, на глазах черневших и скукоживавшихся. И тут очередная стрела вонзилась в зад моей лошади. Животинка совершила немыслимый прыжок в сторону, я лишь краем глаза увидела, как что-то просвистело мимо моей головы, даже ветерком обдало... от оперения. Лошадиный кульбит спас меня от летучей смерти.

Чудом избежав смерти, я не успела испугаться, лошадь взвилась на дыбы, и я опять лишь чудом не рухнула ей под копыта, с трудом удержалась, когда она, хрипя от боли, рванула прочь, в неизвестность. И опять краем глаза заметила мечущиеся огни, а моих спутников накрыл полыхающий тьмой купол, видимо, защитный.

Я слышала позади себя крики, но оборачиваться было смерти подобно. Все мое внимание вместе с руками было приковано к шее собственной лошади, за густую шерсть которой намертво вцепилась. Мой транспорт не просто с места в карьер рванул, он еще и брыкался, подбрасывая круп, отчего я пару раз чуть не вылетела из седла. Но вскоре удача мне изменила. Когда за нашими спинами плотно сомкнулись деревья и окончательно стихли голоса, я решила на секундочку оглянуться, проверить, что там позади, есть ли погоня. И пропустила низкую ветку. Удар пришелся по лбу, отчего я буквально вылетела из седла и рухнула спиной на землю, жесткую, с корнями и камнями.

Мой мир опять поглотила тьма. Эх, а я только-только настроилась жить.

Глава 3

Погоня

Идет экзамен по уголовному праву.

– Можете ли вы мне сказать, что такое обман?

– Это произойдет, профессор, если вы меня провалите на экзамене...

– Каким образом, поясните.

– Согласно Уголовному кодексу РФ, обман совершает тот, кто пользуясь незнанием другого лица, причиняет этому лицу ущерб.

(анекдот)

Голова немилосердно гудела, словно вместо нее мне достался пустой чугунок, по которому кто-то злобный бил палкой. Помимо этого, на лицо и шею капала вода, заливалась за воротник, выстуживая и так продрогшее тело. Разомкнув веки, я поморгала, привыкая к приглушенному дневному свету. Точнее – утреннему, просто погода оставляет желать лучшего, низкие тучи, мелкий противный дождик. Выходит, я полночи провалялась в лесу, никому не нужная, раз не нашли, и невкусная, раз даже хищники не польстились. Впервые порадовалась столь нелестным «не».

Кряхтя и стелая от боли в голове, я с трудом села, ощущая себя не... тридцатилетней женщиной, а как минимум старушкой под восемьдесят. Ощупала многострадальную головушку и ужаснулась. Я приложилась правой стороной, не только лбом, но и скулой. Бровь настолько опухла, что нависла над глазом, снизу ее подперла не менее отекшая скула и щека, на которой я со стоном прощупала несколько царапин.

В общем, правым глазом я видела с трудом. И могла только представить, какой «красоткой» выгляжу наверняка с синей и отекающей половиной лица. Да-а-а... ну и досталось моей новой белоснежной и нежной внешности, включая бока и конечности, но лицу досталось больше всего. Я горестно простонала: «Бедная я, несчастная...»

Куда-либо идти прямо сейчас я была не в состоянии, иначе головушка просто на части развалится. Пришлось на морально-волевых встать и с еще большими усилиями наломать ветвей и соорудить себе подстилку и шалаш, чтобы спрятаться от набирающего силу дождя. Повезло, что лето и на мне кожаные штаны и теплый, шерстяной плащ, не замерзну. Забравшись внутрь, я, наконец, вновь улеглась и переживала пульсирующую дикую боль в голове, да и всем теле. Как же недобро встретил меня новый мир, и чем я так не угодила его богам, что меня из одной передраги в другую безжалостно швырнули.

Свернувшись клубочком, я вдыхала влажный, свежий до сладости воздух, постепенно успокаиваясь и расслабляясь, ведь боль стихала. И вскоре задумалась над главным вопросом всех времен и народов: что делать дальше?

Искать Велину и Элиана? Да, у нее наверняка можно будет разведать еще что-нибудь об этом мире; возможно, как-то лучше подготовиться к новым реалиям, поесть, в конце концов. Но они явно намеревались использовать меня как

подставную куклу в неизвестном мне, но точно коварном плане. И судя по всему, довольно скоро. Чует мое темное нутро вкупе с памятью выпускника юрфака, что ничего хорошего рядом с ними, меня не ждет. Поэтому вариант с розыском я вынуждена была отместить хоть и с огромной неохотой.

Что еще я могу в новом мире, о котором ничего не знаю? Легенду про Ромаха и Церру не считаем, как и сведения про количество континентов и наличие магии. Только знание местного языка можно считать великим везением. Но со скудными знаниями кашу не сваришь и на хлеб не заработаешь. Так что вывод неутешительный: ничего я не могу!

Капли дождя все быстрее и сильнее стучали по веткам, из которых я соорудила свой жиденький и ненадежный шалашик, проникали сквозь листву и продолжали мочить мой плащ. Половина лица горела огнем и пульсировала от боли. Как и голова. Остро хотелось есть, но охотник из меня доморощенный, только свежие огурцы и помидоры с дачных грядок добыть способна. Ну еще ягоду собрать в саду возле дома. По щекам потекли слезы, отчего защипали царапины, добавив к общим мучениям новые.

Я четвертый, поздний ребенок в любящей семье. Избалованный под приглядом двух прилично старше меня сестер и брата. Боже, да я даже готовить так толком и не научилась, ведь вокруг всегда было полно старших родственников, жаждущих накормить «голодного» ребенка. И в подружках племянницы Вера и Маша, родившиеся на год раньше и полтора позже меня, дочери моих сестер.

Копаясь в собственных знаниях, пытаюсь отыскать там хоть одно умение, способное помочь выжить здесь, я была вынуждена признать полную неподготовленность. Вместо «готовить-убирать», меня водили по всяким кружкам, языковым и компьютерным школам, на плавание для здоровья, а дома я отдыхала или занималась. Еще пару дней назад я считала, что с учетом прекрасного и всестороннего образования получила отличные перспективы на обеспеченное будущее. Сейчас – не видела никаких.

Школа и университет... Вот что они мне жизненно полезного дали? Как вести себя при пожаре, надевать противогаз... если отыщешь его хоть где-нибудь, я умею. Даже первую помощь оказать утопающему способна. Но ни разжечь костер без спичек, ни раздобыть еду в лесу, либо рыбу без удочки поймать тоже не смогу. В этом средневековом мире все мои знания абсолютно бесполезны. Отсюда следующий плачевный вывод: я ничего не умею!

Тогда надо искать город и идти к людям? Но я отлично запомнила, с какой гордостью и самодовольством Велина заявила, что про Черную Лесиру-Девственницу знают даже в глуши. Если опознают ее во мне, а такую красотку сложно не заметить или забыть, точно в герои не запишут. Выходит, в город к людям нельзя. Надо оставаться в лесу.

В лесу... Сколько здесь человек без еды прожить может? Месяц? Если хищники все-таки не сожрут. Даже если каким-то чудом я научусь добывать еду, то костер разжигать без спичек – нет. К тому же – где жить? В норе? Дом-то построить я тоже не в состоянии. Это только в фантастике попаданец из навоза и сена замок возводит, проводит туда канализацию, заключает договор с местным водоканалом и энергетической организацией...

На этой злобно-ироничной мысли на мой шалашик неожиданно рухнула здоровенная ветка, заставив меня вскрикнуть от страха и уткнуться в листья, поскольку ненадежное сооружение практически развалилось, накрыв меня с головой. Но лучше уж так, под ветвями, чем под дождем окончательно промокнуть.

В общем, полежав еще пару часов, я подвела итог своим размышлениям: чтобы выжить, придется идти к людям, в город. Если встречу деревню, то можно попробовать и там устроиться. Но историю я любила и многое читала, суровые сельские нравы и еще большую обособленность и суеверия отлично запомнила. Ведь на кострах жгли, может с черными магичками тут так же поступают?! Поэтому жизнь в деревне оставлю на крайний случай. А пока попробую пробраться в город и уже там действовать согласно обстоятельствам. Изучать социум и местные традиции, хитрить, прятаться, жить в подворотне, воровать... наверное. Я содрогнулась от омерзительных перспектив. Но альтернативу пока не видела.

Приняв окончательное решение, раскидала ветви и встала. Дождь прекратился и даже вышло местное, но такое привычное земное солнышко, что согрело и мое сердце. Правда небеса, лишь чуть-чуть менее ярко, украшал Млечный путь.

Проверила кончиками пальцев лицо: оно до сих пор с сильными отеками, поцарапано и болит, но это такие мелочи по сравнению с тем, что на данный момент я менее узнаваема. Вот настоящее везение! Ведь для начала мне необходимо как-то просочиться в ближайший город, затеряться там, найти

убежище, даже если на самом темном и пыльном чулане или чердаке. Потом освоюсь и решу, как жить дальше.

Отряхнув плащ, я порылась по всем карманам, не заваялось ли там что-то полезное или наоборот. Ведь мелочевку частенько забываешь именно в карманах, а потом бац – и ка-ак найдешь пару сотенных купюр, которые когда-то на минуточку положил в карман на кассе. Вот и сейчас мне в очередной раз повезло. Глядишь, поверю в благоволение высших сил. В кармашке штанов обнаружила весьма ценные в нынешних условиях находки. Маленькую, если не ошибаюсь, серебряную монетку. Что на нее можно купить, узнаю лишь опытным путем. И грубую, стальную невидимку для волос, хотя может это обычный зажим для бумаг или чего-то другого, но я закрепила ею капюшон на волосах, чтобы не съезжал назад и не открывал больше необходимого лицо. Мне им даже в таком состоянии светить нельзя.

На всякий случай помолилась, вдруг кто услышит добрый и заботливый, и, глубоко вздохнув для уверенности, двинулась искать дорогу. Примерно через час я совершенно неожиданно вышла именно на тот участок дороги, где произошло нападение неведомых клыков Рамдера. И замерла, в испуганном изумлении разглядывая место кошмарных событий. Трупов не было, если не считать почерневшие от копоти кости с черепами, оставшиеся от адских гончих, из них вон до сих пор торчат остовы стрел. Огромный участок земли словно напалмом выжгли, и я даже знаю, что здесь им послужило – черная магия Лесиры. В нескольких местах я обнаружила пятна крови. Но отсутствие трупов обнадежило: все завершилось не так трагично, как могло бы.

Я продолжила идти именно по этой дороге; раз по ней преследовали Велину и Элиана, значит и мне будет проще до города добраться. Но обосновываться именно там я точно не буду, еды какой-нибудь раздобуду и пойду дальше.

К полудню солнце стояло в зените и нещадно пекло, усиливая мою жажду, я заметила среди деревьев блестящую полоску ручья. И ринулась к нему. Напившись и осторожно умывшись, я наконец рассмотрела свое отражение. Даже вздрогнула от неожиданности, когда в небольшой лужице-заводи мелькнуло чужое лицо, которое еще и вытянулось от удивления. Да, от ледяной недостижимой красоты немного осталось. Мое новое лицо было перекошенным и изуродованным, надеюсь, временно. Большая часть лба, все еще сильно набухшая бровь, отекающая скула, щека, по которой словно кошки когтями поскребли, и все это щедро залито фиолетово-синюшным цветом.

Порадовал цвет глаз: не черный, как у Лесиры, а мой, родной, синий. Но правый пока багровый из-за лопнувших сосудов. А в чернильно-черной гриве волос появилось несколько медных прядей, тоже очень-очень родных. Прежде я не была классической рыжей, скорее шатенкой с красивым медным оттенком. Интересно, что еще изменится в моей новой внешности со временем? И как скоро? С учетом того, что за мной охотится толпа народа, было бы замечательно, если бы я изменилась быстрее. И все же, этот прорыв моей прежней сущности невероятным образом сроднил меня с чужим, а теперь, оказывается, точно моим телом. Плеская водой в горевшее от ссадин лицо, я наслаждалась своими возможностями чувствовать окружающий мир, дышать, пить воду. Как же здорово быть живой!

Хороший жизненный настрой толкнул меня немного задержаться на берегу ручья, чтобы, как советовала Велина-Лесири, попробовать познакомиться со своей магией. Не сразу, а спустя час усиленной медитации, я наконец нашла внутри у себя темный крохотный огонечек, который согревал и питал. В какой-то момент ошеломительного знакомства с ним с помощью внутреннего зрения, тоже новообретенного, разглядела множество черных нитей, отходивших от темного пламени моего дара, как я его себе представила, и специфическими щупальцами опутали все тело. Походило это на черного кальмара, даже хихикнула, сравнив морское животное с поселившимся у меня внутри. Затем озадаченно спросила, ни к кому конкретно не обращаясь: «Это источник моего дара? А где тогда резерв искать? Или это и то и другое? Как же все сложно...»

И лишь по наитию, не иначе, заметила, что чем дальше от центра магического сгустка, тем более тонкими становятся нити-щупальца, слипшимися, словно из них выкачали жизненно важную составляющую. И осознала: мучительное чувство голодной пустоты, терзавшее меня последние часы, связано с этим «обезвоживанием», а значит голова «кальмара» не только источник моего дара, но и одновременно резерв. К сожалению, сильно истощенный. Поэтому пробовать трансформироваться в тучку не стала, и так голодная как волк, без малейшего соображения, где и когда удастся поесть. Что говорить про магическую «пищу». К тому же страшно становиться по-настоящему «черной» и высасывать жизнь и магию у других. Я не хочу, даже ради пока не понятной функции безопасности «туча». Сначала все выясню подробнее! Поэтому пришлось отправиться в путь.

Только голод выгнал меня из безопасной лесной полосы, поскольку я предпочитала идти вдоль дороги, прячась от попадавшихся в пути

путешественников среди деревьев и кустов. Пришлось, закутавшись в плащ и дождавшись очередного обоза, выскочить из кустов и тенью следовать за последней повозкой, крытой тентом. В надежде, что к вечеру обоз прибудет в город, а не будет разбивать лагерь на свежем воздухе. Я держалась за борт повозки и как заведенная переставляла ноги, устала до изнеможения. Еще и умудрялась из-под края капюшона следить за обстановкой, чтобы в случае чего в любой момент скрыться.

В город я приплелась ближе к вечеру. Дорога привела к широкому каменистому плато, в центре которого высился серый замок скромных размеров, без всяких каменных защитных стен, рва и ворот. Возле него притулился тоже небольшой городишко. Вряд ли это столица, а вот какой-нибудь отдаленный форт вполне возможно. В лучшем случае здесь проживает тысяч пять жителей, затеряться среди них будет крайне проблематично. Значит, придется как можно скорее найти что-нибудь поесть, где-нибудь переночевать и идти дальше.

Обоз медленно подъехал к группе одинаково одетых людей, державших в руках нечто похожее на алебарды. Стояли они возле крохотного домика. Видимо, это городская стража или пограничники и у них здесь пост, а в домике можно спрятаться в плохую погоду. Из головной телеги прыгнул крепко сбитый, добротнo одетый мужик. Перекинулся несколькими фразами со стражами, потом они громко посмеялись обоюдным шуткам. Наконец голова обоза свистнул, оповещая, что путь открыт. Я шмыгнула в телегу под тент, где с трудом втиснулась между туго набитыми мешками с запахом шерсти.

Так я проникла в свой первый в новой жизни город, дождалась, когда стража останется за поворотом и у первой же улочки выбралась из повозки. Дальше отправилась в одиночестве. Мне необходимо было до темноты хоть немного сориентироваться и, если повезет, найти какое-нибудь укрытие на ночь, ну... заброшенную хижину там или сарай какой.

Сначала мне повезло с едой, к ней меня привел хлебный запах. Глотая слюну и принюхиваясь, бормоча «разве может так вкусно пахнуть», я ускорила шаг.

ПирогИ, пышные, большие, ароматные, лежали на лотке прямо у домика, рядом с ними стояла женщина. Любопытно, что вопреки расхожему мнению о хороших поварах и их комплекции, эта была худая и длинная как палка, еще и с сильно вытянутым лицом. Пока я приближалась к ней, опасливо оглядываясь, она с подозрением смотрела на меня, а когда я, сдвинув капюшон в сторону,

«предъявила» ей багровый глаз и, кашлянув, ткнула пальцем в ближайший пирог, женщина бросила на меня возмущенно укоризненный взгляд. Я сразу же протянула ей свою единственную монетку. Укоризна сменилась недовольством.

Я расстроено обмерла: неужели монетка настолько мелкая, что мне не хватает даже на один пирог? Сказать ничего не могла, опасаясь сорваться в истерику и банально схватить и сожрать пирог у нее на глазах. Поэтому задрала подбородок и глянула на нее снизу вверх, изображая высокомерное непонимание, пусть сама поясняет что не так. Удивительно, но женщина тяжело вздохнула, высыпала из кошелька всю наличность, сразу несколько монеток из темного металла, похожих медных, – и резко протянула мне.

Секунда на осознание своего везения – и я быстренько сгребла с ее ладони сдачу, чуть не поскуливая от счастья. А потом с благоговением забрала большой такой, размером с батон пирог и улыбнулась торговке самой благодарной и извиняющейся улыбкой, на какую была способна. За что получила ответную, а потом и осторожный, сочувствующий вопрос:

– За что ж тебя так муж отходил-то?

– Об дерево ударилась, – пояснила я.

Но женщина не поверила, качнула головой, досадуя на меня «горемычную, битую злым мужем».

Продолжать разговор я не стала; прикинула, хватит ли мне одного пирога, и решила купить про запас еще один, отчего торговка одарила меня довольной улыбкой и даже завернула покупку в большой лист, похожий на лопух. Пока я обыскивала в лесу полученную от Лесиры одежду, нашла в плаще внутренний большой карман, возможно, для оружия, и сунула туда свой будущий завтрак, а может и обед.

Вот так, уплетая пирог и чувствуя, как постепенно наполняюсь энергией и уверенностью, я начала обследовать город в поиске будущего жилья. Точнее, местечка, где можно спрятаться от внимания любопытных горожан, которые нет-нет, да провожали меня недоуменными – сдается мне, пока! – взглядами.

Я уже пальцы от остатков облизала, полностью подобрала даже крошки от пирога, когда услышала впереди крики и шум. Инстинктивно ускорив шаг, я быстро оказалась возле добротного дома с крепким забором, возле которого разыгралась настоящая семейная драма. У ворот с распахнутой калиткой лежала женщина, в ужасе глядевшая на нависшего над ней здоровенного широкоплечего мужика. У нее на щеке явственно алел след от удара. Молодая и, наверное, красивая, была, но сейчас выглядела затравленной, уставшей, обреченной. Возле нее, прижав к лицу ручонки, захлебывалась слезами опрятно одетая девочка лет пяти. А между женщиной и здоровяком втискивался паренек лет четырнадцати. Возможно, и младше, просто пошел в крупного отца, да и лицом похож, и фигурой. Оба сражались взглядами, вцепились друг другу в руки.

– Не смей бить маму! – орал паренек.

– Как ты смеешь перечить мне, щенок, – рычал, брызгая слюной, его отец.

Вокруг шептались соседи и очевидцы, не осмеливавшиеся вмешиваться, но явно осуждавшие мужчину:

– Что с Петрусом случилось, люди добрые? Ведь любил же свою Ларусю до безумия...

– Будто проклял кто...

– Их любовь многим не по душе пришлась... завидовали...

– Петрус работающий, лучший кузнец в округе, да поди ж ты, совсем головой тронулся, слова ему поперек не скажи, сразу с ума сходит да с кулаками кидается...

Я слушала и во все глаза смотрела на еще больше выходившего из себя отца семейства. Первый удар по лицу мальчишки сопровождался взрывом черноты, совершенно непонятным образом щедро выплеснувшейся из взбешенного мужчины. Зрители загомонили громче, закричала жена Петруса, кинулась к мужу, схватила его за ноги и умоляла успокоиться и не трогать сына. Девочка, закусив кулак, содрогалась от рыданий. А во мне усиливался голод, все больше и больше, рывками, как собака, рвавшаяся с привязи. Тягучий, мучительный,

разъедающий мое нутро кислотой, разрастающийся пустотой, которую до дрожи в конечностях необходимо было чем-то заполнить.

Мне не встречались буйствующие наркоманы вживую, только в фильмах видела, как их ломало. И глядя на Петруса, пульсирующего... жидким мраком, источавшим невероятно сладкий, запредельно вкусный аромат... зла, ощутила мучительное, непреодолимое желание коснуться его, забрать эту кошмарную на вид тьму себе, до самой капельки. Утолить свой темный голод, заполнить пустоту внутри. Этот порыв одновременно напугал до чертиков и поманил обещанием по-настоящему наестся.

Я каким-то образом, словно ноги сами действовали, оказалась рядом с бушевавшим Петрусом. Он в этот момент хлестким ударом отправил сына на землю и пнул, отталкивая от себя обвивающую его колени жену сапогом. Я коснулась его плеча, ощутила, как перекатываются под грубой рубашкой стальные мускулы, как горит внутри кровь... щедро разбавленная чьим-то черным проклятьем...

Я бы под пытками не смогла объяснить, как догадалась действовать. Потому что все происходило по наитию, словно моя темная магическая сущность действовала на инстинктах, как новорожденные котята тянутся к соску матери за молоком как глотком жизни. Так и я, заглянув в безумные, почерневшие от злобы глаза мужчины, грудным мурлыкающим голосом Пантеры Багиры, попросила:

– Откройся мне! Выпусти зло наружу, свою ненависть, ярость, жажду убивать. Я все заберу, освобожу, дам вздохнуть спокойно...

Дальше я ощутила себя пылесосом, который вместо вездесущего песка и пыли собирал чужую темную магию, первозданное зло. Первый же «глоток» подсказал, открыл мне свою суть. Я не ошиблась, это было именно проклятье. Кто-то действительно позавидовал влюбленным и проклял мужчину, затмив безраздельную и светлую любовь к жене и детям черной ненавистью и злобой. И чем больше он их любил, тем сильнее ненавидел.

Когда я высосала из него все проклятье до капельки, мы оба рухнули на землю, только я – от «переедания», а он – без сил. Я улыбалась, как безумная, ощущая как мой дар жадно насыщается чужим злом, растворяет его, щедро заполняя

моего кальмара силой, магией. Петрус, машинально вытерев кровь из-под носа, ошалело посмотрел на меня. Потом перевел взгляд на детей и жену, замерших в паре шагов от нас тесно прижавшись друг к другу, побитых, заплаканных. Его глаза, оказавшиеся голубыми, расширились от ужаса, он встал на колени и буквально пополз к ним. Упал в ноги и заплакал:

- Простите, простите меня, кровиночки мои.

Семья несчастного не сразу сообразила, что произошло и тоже ошалело смотрела то на него, то на меня. Пришлось объясняться:

- Это не он злобствовал, его кто-то проклял. Обернул его любовь в ненависть... - просипела я от переизбытка эмоций. И закончила. - Теперь он чист от зла. Зло не вернется.

Глава семейства, стоя на коленях, обнимал жену и детей за ноги и плакал, содрогаясь всем телом. Я с улыбкой кивнула женщине, и та наконец-то услышала меня, поверила. Сначала осторожно погладила мужа по волосам, зарылась в них пальцами и крепко прижала его голову к себе.

- Папа был заколдован? - просипел паренек.

Я опять кивнула. Встала и, отряхивая плащ от налипших травинок, негромко подтвердила:

- Теперь все будет хорошо.

- Стража! - ворвался в мой благостный настрой чей-то крик.

Ему вторили другие:

- Стража...

- Клыки Рамдера скачут...

Я обернулась, и моя улыбка растаяла. С нарастающей паникой я наблюдала как в конце улицы, откуда сама недавно пришла, появились конники и скачут прямо

сюда, к месту горячих событий. Целый отряд. Впереди несутся трое громадных мужчин, двое магов на темных конях, в руках у них разгораются и увеличиваются светящиеся сгустки. Если не ошибаюсь, когда мы попали в засаду в горах, телохранители Лесиры называли их фаерами. Между магами скачет на великолепном белом жеребце всадник со свободно развевающимися, длинными, красными волосами, которые реют на ветру будто знамя, будто пламя.

- Вот она... Темная... Черная... - завопил народ, тыкая в меня пальцами.

И я, засмотревшаяся было на нереального всадника на белом коне, сорвалась с места и понеслась прочь. И ведь всего лишь поела и заодно спасла семью от проклятья. Позади, нагнетая страха, грохотали по каменистой дороге копыта, а спину жег магический взгляд, если я верно понимала это ощущение. Я металась по городу как мячик от пинг-понга, а меня загоняли, как лису в ловушку. Только ее бы выдавал пушистый рыжий хвост, а меня - флер темной магии. А как по-другому объяснить, почему скрыться не удавалось? Я уже не чуяла ног, побывала в какой-то вонючей, грязной канаве с отходами и, вполне возможно, меня еще и по следам падающих с меня ошметков находили.

Но вот, наконец, в последний момент успела влезть в распахнутое окно заброшенной лачуги. Птичкой вспорхнула по рассохшейся лестнице, скрипнув лишь одной ступенькой, на чердак, и притаилась. Сердце колотилось с такой скоростью и силой, что казалось меня слышала вся округа. Поэтому, когда внизу дверь с грохотом ударилась о стену, я рефлекторно трансформировалась в тучку. Сквозь большую щель между рассохшимися досками я увидела преследователей, настолько близко, что даже чуяла их запах, смешанный с лошадиным потом. Протяни руку - и коснешься макушек. Страшно, но я словно приклеилась взглядом к щели, рассматривая аримских магов.

- Я заметил мелькнувший край плаща черной твари у этого дома, она влезла сюда! - с досадой рыкнул один из громил, что возглавляли моих преследователей, оглядываясь.

Черный сюртук до колен, потертые кожаные штаны, сапоги с коротким и широким голенищем, из которого торчат рукояти ножей. Светло-русые волосы до плеч и светло-карие глаза под тяжелыми густыми бровями. В руках длинный тонкий меч. Симпатичный и весьма brutальный мужчина, оценила бы я, будучи на Земле. Но на Ариме он ужаснул до ледяного комка внутри и желания

закопаться поглубже, да хоть под землю, лишь бы подальше от него.

– Ты прав, Дашейн, тут все провоняло тем дерьмом, в котором она перемазалась, – пробасил второй маг – широкоплечий брюнет с льдистыми голубыми глазами, одетый схоже с первым, но сюртук на нем темно-зеленого цвета.

Не знаю, обычные ли они стражи или жуткие Клыки Рамдера, которые напали на команду Лесиры, но все трое преследователей напугали меня до состояния тучки. Особенно красноволосый. По-моему, он понял, что спрятаться в единственной пустой комнате невозможно. Они вон даже в печку заглянули – проверяли, а вдруг я там. Красноволосый не гигант, как двое его «товарищей», скорее просто высокий, но не массивный, а поджарый, двигавшийся со звериной пластикой. Сверху его волосы смотрелись багровым водопадом, спадающим до ягодиц. Одет в темный сюртук до колен, на талии ремень, на котором закреплен кошель и два ножа. Черные брюки из ткани, а не гетры или чулки, как у многих горожан, заправлены в высокие, до колен, кожаные сапоги. Вроде неброская одежда, без украшений, но мужчину не спутать с простолюдином.

Его удивительные волосы оттенка красного вина, резко контрастируют со светлой, без единого пятнышка или родинки кожей. Прямо как у меня... у тела, которое лежало на алтаре и досталось мне. Таковую еще «заслужить» надо, либо постоянной заботой и уходом, либо нехарактерными для обычного человека особенностями. Мое тело раньше сильнейшему черному магу принадлежало, поэтому красноволосый напряг гораздо больше остальных. Магия у него что ли красная? Сдается мне, что этот мужчина вообще не формат здесь. Конечно, я мало чего видела, так, Лесирин отряд да жителей городка. Но они однотипные что ли, а этот – другой! Чуть удлиненное лицо с высоким лбом, красными бровями и веером не менее красных ресниц, прямым носом с жадно трепещущими ноздрями. Он, словно охотничий пес, вылавливает в воздухе след добычи.

Красный маг неожиданно резко поднял голову – и я едва сдержала крик, увидев его глаза! Большие, раскосые, с красной радужкой. Нет, алые как кровь. Бр-р-р...

Я отпрянула от щели в полу и буквально через мгновение из нее красный лучик выбрался и змейкой пополз по доскам, словно искал что-то. Меня! В памяти мгновенно всплыла картинка из фильма, где красный луч из оптического прицела искал свою жертву. Следом за поисковым магическим лучиком

заскрипела под большим весом лестница на чердак. Я заметалась по чердаку, но бежать некуда, поэтому забилась под крышу, в самый темный и дальний уголок. И затаилась, сжалась вся, наверное, до размеров подушки.

Сначала над полом появилась красная макушка, потом весь этот жуткий красноглазый маг. Сдвинул к переносице красные брови, хмуро оглядывая совершенно пустое пыльное пространство, но – хвала всем высшим! – под потолок смотреть не стал. Видимо, ему в голову не пришло, что кто-то мог забиться крохотной тучкой под самую крышу.

– Что там? – крикнул, если не ошибаюсь, Дашейн, тот, кто назвал меня черной тварью.

– Пусто... – прошелся по моим нервам очередным испытанием глубокий, бархатистый баритон красного.

Я чуть не рухнула вниз в человеческом облике, настолько неожиданно его голос оказался приятным, будоражащим, он будто нутра моего коснулся. Чудом сдержалась. Невероятно, как можно обладать сказочно-чарующим голосом и зловещей внешностью одновременно?

– Неужели мы снова упустили эту мерзкую тварь? – контрастом бархатистому баритону красного прозвучало снизу взбешенное рычание третьего мага, брюнета.

– Успокойся Иор, достанем. Эта черная тварь где-то рядом, я чую даром, – отозвался Дашейн.

– Его величеству дела нет до наших чужок, он устал ждать, когда мы ее достанем. Хочешь на плаху вместо нее? – Иор нагнетал ситуацию.

– Иор, мне кажется, ты слишком устал и преувеличиваешь, – спокойно заметил красноволосый, спускаясь вниз.

Его приятный голос снова вызвал во мне бурю чувств.

– Простите, господин, я просто не хочу в очередной раз разочаровывать его величество, – неожиданно с нескрываемым пиететом извинился Иор.

– За пять лет, что живу в Лавере, не было случая, когда я хоть чем-то разочаровал Рамдера, – бесстрастно ответил красноволосый. – Лесира была в храме Церры и провела какой-то обряд. Там такой густой флер ее проклятой магии остался, что задохнуться можно. Да, эта тварь снова ускользнула, но я только занялся ее персоной и, поверь, свою добычу не упущу. Уверен, она скоро вернется в Кверег, там мы ее и достанем. Вешки выставлены, осталось загнать зверя в силки.

– Скорей бы уже, – Дашейн немного успокоился, – а то эта тварь столько натворила, столько душ загубила, что ни в одном уголке Лавера не найдется даже самой светлой души, которая бы ее пожалела.

– Вот ведь игры богов, – Иор тяжело вздохнул, – Лесира и правда красивая как сама Церра, но черная душой как сам Рамох. Может не зря слухи ходят, что она плод их любви?

– Сомневаюсь, – мрачно усмехнулся красный.

Вскоре маги ушли. А я лишь спустя пару часов успокоилась настолько, что получилось сменить форму на человеческую. В этот раз я благоразумно находилась на полу, поэтому, вновь обретя физическое тело, не рухнула, а улеглась. Хорошим бонусом в смертельно опасной ситуации стало и полезное свойство моего тела. Или одежды? Похоже, либо моя магия, либо моя непривычная для местных одежда совершала чудеса. Вернув себе человеческий вид, я оказалась чистой и сухой. Даже пирог в кармане плаща не пострадал от купания в канаве. Надо бы проверить: это моя магия такая чистоплотная или одежда магически защищенная?

Набегавшись и испытав чудовищный стресс, я проголодалась. Съела половину пирога и заснула прямо на чердаке с мыслью, что завтра же надо бежать из этого города.

Ловушка

Идут отец с сыном, сын адвокат. Отец говорит сыну:

- Ты не выдавай меня матери, что я выпил.

Сын адвокат отвечает:

- Врать не буду, но на основании существующих между нами родственных отношений могу отказаться от дачи показаний.

(анекдот)

Проснулась я резко, с ощущением чего-то холодного и жесткого, со щелчком сомкнувшегося на моей шее. Следом чьи-то руки прижали меня к полу и ладонь закрыла рот. Я заполошно дернулась, попыталась освободиться.

- Тс-с, Лесира, - остановил меня мужской, холодный, бесстрастный голос.

Распахнув глаза и вцепившись в руки у своей шеи, я вытаращилась в лицо напавшему, и опять попыталась выбраться из захвата.

- Замерла! - рыкнул напавший мне в лицо.

Я замерла, мое сердце гулко и рвано колотилось о ребра. Непроглядная темнота подсказала: я проспала, уже наступила ночь. Несмотря на темень, пусть не сразу, но поняла, кто меня нашел. Опознала его весьма примечательный механический голос, а уже потом и самого мужчину рассмотрела подробнее.

- Элиан? - прохрипела я изумленно.

И мысленно отругала себя самыми неприличными и грубыми словами. Как последняя дура ждала вечера, чтобы в сумерках выбраться из этой халупы и незаметно покинуть город, - и заснула. В результате меня не стражи поймали, а кое-кто похуже.

– Пикнешь – умрешь, – ровно предупредил Элиан, убрал ладонь с моего лица и встал.

Уточнять, кто меня прибьет, он или стража, не стал – значит ему совершенно плевать, что я подумаю. Это еще один признак скорой подставы. Поэтому кивнула, давая понять, что буду молчать как рыба. Мы спустились вниз, я посмотрела на распахнутую настежь дверь, сиротливо и кособоко повисшую у стены, на дверной проем, в который проникал свет ночного светила. Действительно, почти белая ночь, хотя в городе, даже средневековом, абсолютной тишины не бывает. Где-то выли собаки, слышалась далекая ругань пьянчуг, приглушенный лязг метала. Шорохи, шепот ветра, скрип дверей или ставней – все это настораживало меня до противной дрожи.

Вдруг в дверном проеме мелькнула тень, но Элиан не отреагировал. Выходит, искал меня не один, а с кем-то из тех суровых то ли воинов, то ли наемников. Кто их разберет?! И если ничего не предпринять, мне вскоре конец. Не на королевской плахе, так в лапах черной сумасшедшей магини. Неважно, что теперь она блондинка, а я брюнетка, от смены тел и слагаемых итог не меняется! И я решила. Сбегу. Пусть попробуют поймать тучку в небесах!

Но увы и ах, я оказалась тем самым коlobком, который считал себя умнее и ловчее всех, а попался лисе в лапы. Только в моем случае – бездушному волчаре. Пока я пыжилась и раздувала щеки, пытаюсь сменить форму, подскочил Элиан, больно схватил меня за волосы у макушки, сильно и безжалостно заломил голову назад, заставив встать на цыпочки и в страхе смотреть ему в лицо. Так мы и замерли, глядя друг другу в глаза, ведь благодаря «белым ночам» Тардаша, все было видно без труда.

Красивый мужчина, которого не портит ни щетина, ни грязная походная одежда, свидетельствующая, что пробираться в город ему пришлось ползком и по канavam. Но совершенно пустые, бездушные карие глаза, которые смотрели на меня с лица, искривленного ехидной гримасой, словно чужеродный орган, свели на нет все остальное. Я в руках монстра – это неоспоримый факт.

Элиан склонился, жадно, подобно зверю, вдохнул воздух вдоль моей шеи и у виска, а потом каким-то вымораживающим мое нутро голосом, произнес:

– Не зли меня. На тебе блокатор магии, перекинуться ты не сможешь. Сбежать – тем более.

Я невольно вскинула руку и обхватила свою шею. Защелкнул во сне, гад, посадил на цепь, угрожал. Я всхлипнула:

– За что?

– Во избежание необдуманных решений и поступков, – пояснил он и даже больше: – Благодаря ошейнику впредь тебе не скрывать на просторах Тардаша. А то больше суток убили на твои поиски.

– Я не собиралась бежать, а форму сменить решила, чтобы здесь не узнал кто-нибудь нечаянно, – сипло врала я, испуганно глядя ему в глаза. – Ведь светло, а меня все знают.

– В горах тоже не думала, а случайно вышло? – сухо парировал он.

А я чуть не рассмеялась от горечи:

– Не поверишь, да, случайно. В зад моей лошади стрела попала, она понесла, а на скаку я так об дерево лбом приложилась, что не знаю, сколько без сознания провалялась. Сам видишь, как лицо опухло и посинело, меня даже в городе не узнали... сразу.

Совершенно неожиданно Элиан усмехнулся, скупое, просто дернулись уголки рта, но я заметила и еще больше испугалась: с чего этот отмороженный решил повеселиться?левой рукой, не ослабляя хватки правой у моего затылка, он провел пальцами по моему лицу, медленно, я бы сказала, лаская, если бы поверила, что он способен на это. Затем выпустил волосы и обеими руками сжал мое лицо, приподнял, чтобы смотрела на него, тянулась к нему, обвел большими пальцами мои скулы. Сквозь страх я почувствовала облегчение: ноющая боль с лица отступила, перестала чесаться оцарапанная кожа, даже глаз полностью открылся. Я проверила ощущения собственными пальцами и ошеломленно выпалила:

– Неужели все зажило? Так быстро?

Видимо, Элиан поверил моему рассказу и, снисходительно качнув головой, пояснил:

– Чему ты удивляешься? Даже слабо одаренный маг способен прожить не менее трех сотен лет. Магия питает, лечит, восстанавливает тело от большинства повреждений. И чем сильнее дар, тем неуязвимее его носитель. Поэтому по-настоящему сильных магов любой стихии казнят отсечением головы или сожжением. А ты черный маг, такие живут дольше остальных... если не поймают.

Я впала в ступор – триста лет? Я проживу не меньше трехсот лет? А ведь еще вчера расстраивалась, что потеряла десять лет жизни из-за возрастной разницы между прошлой мной и нынешней. А выходит, наоборот, приобрела запас на три столетия как минимум? Но вот фраза «если не поймают», вернула на брентную землю: меня несколько часов назад чуть не поймали.

Элиан снова склонился, подышал у моего виска, отчего волоски зашевелились... не только на голове, но и на всем теле от чудовищной перспективы такого вот интереса.

– Не трясись, – презрительно скомандовал мой мучитель и оттолкнул меня со словами: – Тут так воняет, что я просто пытаюсь тобой эту вонь перебить. Ты не моя, не она, истинную связь разорвать только смерть способна.

– Истинную связь? – сразу заинтересовалась я, несмотря на то что, муж Лесиры опять меня испугал, надеялась на принцип «больше знаешь – дольше живешь».

Элиан взял меня за руку и потянул за собой на выход из дома. Правда соизволил глухо пояснить:

– Душа – это энергия, как говорят наши жрецы. Тоже своеобразная магия, только живая, разумная, существующая вечно. Хранящая память о прошлых воплощениях. Источники магов в разы усиливают энергетику души, помогают отыскать и ощутить родственные – когда-то связанные вместе, любившие, прошедшие единение перед богами, в другом воплощении, времени или даже мирах. Поэтому понятие «истинная пара» существует только у нас, магов, тех, чья магия настолько сильна, что раскрывает возможности души в поиске своей половины, любимых прежде, связанных богами или судьбой нерушимыми узами.

Не позволяет потеряться во вселенной.

– Вы с... Велиной такие вот связанные души? – хрипло спросила я, вздрогнув, когда впереди нас тенью скользнул наемник, которого я ранее заметила возле домика.

– Да, – бесстрастно ответил Элиан и завершил разговор, – все, теперь тихо.

Пока мы шли, вернее крались ночными улочками, спеша выбраться из города, я с содроганием размышляла об истинных. Это что получается, раз я маг, к тому же не из слабых, значит и на меня может свалиться такое вот «счастье» в виде «истинной» пары? Ведь, исходя из слов Элиана, маги находили пары, даже если души из других миров и времени. Я невольно посмотрела на него, мертвого внутри, словно Лесира выпотрошила всю его душу подчистую, но бросить истинную у него нет возможности. Ведь они связаны богами и судьбой навечно...

Какой кошмар!

Эта новость настолько выбила меня из колеи, что я механически переставляла ноги и выполняла команды Элиана как робот, молча и безропотно. Наш третий спутник нет-нет да недоуменно поглядывал на меня, наверное удивляясь моей покорности. Наконец мы покинули пределы города и оказались неподалеку от того места, где я вчера выбралась на дорогу, чтобы следовать за обозом. Недолго продлилась моя новая городская жизнь...

– Ну здравствуй, Лесира, – вкрадчивый, тихий голос настоящей Лесире прозвучал громом среди ясного неба.

Вздрогнув, я подняла взгляд от дороги и вскинула его на черную магиню, шагнувшую к нам из ближайших кустов.

– Здравствуй, Велина! Спасибо, что не бросили здесь одну, – каркнула я хрипло. Куда мой новенький кошачий голосок подевался?

– Ну что ты, как мы могли оставить свою госпожу в стане врага и фанатиков, – мурлыкнула она.

– Меня вчера чуть Клыки Рамдера не схватили, – пожаловалась я. – А до этого, когда на нас напали, стрела вонзилась в мою лошадь, она понесла в лес, я там ударилась головой о дерево и провалялась, оказывается, полдня без сознания. И меня никто не искал... Слава всем богам, хоть никто не съел.

– Да что ты говоришь?! – усмехнулась она и любопытствовала: – Как тебе удалось скрыться от клыков?

Я пожала плечами, а потом с тяжелым вздохом невольно дернула за ошейник:

– Так испугалась, что снова тучкой стала. Они меня не увидели...

– Они близко стояли? – Лесира напряглась, как зверь на охоте.

– Их трое было, двое внизу остались, один на чердак полез. К счастью, голову не поднимал, осмотрелся и все. Я там чуть не умерла от страха. Жуткий мужик. Еще и принюхивался как зверь...

В меня вперились сразу шесть пар глаз – Лесира и вся ее команда.

– Как выглядел тот мужчина? – в ее голосе даже хрипотца появилась.

– Сначала он на белом коне скакал, от других всадников только красными волосами отличался, – начала я издали и постепенно сгустила краски: – А вот вблизи от него, когда я в заброшенном домике пряталась, что-то чудовищное исходило, еще и весь такой... кровавый. Помимо волос и глаза красные, нет, багровые.

Лесира неосознанно передернула плечами. Неужели даже эта магиня, известная на все королевство своими черными делами и силой, боится красного мага до судорог?

– Неужели здесь сам Кровавый Фрей? – глухо выдохнул один из поделльников Лесеры.

– Ты знаешь еще кого-то с красными волосами и багровыми глазами? – саркастично и зло осведомился другой, наведя меня на мысль, что Кровавый

Фрей «грязно потоптался» по чувствам всей этой черной команды.

– Фрей не почуял тебя во второй форме? – задумчиво то ли уточнила, то ли констатировала магиня. – Любопытно! Выходит, запаха твоя туча лишена. Иначе бы он тебя однозначно почуял...

– Я перед этим в сточной канаве искупалась. Да и сам дом был старый, заброшенный и затхлый. Там вонь стояла такая, что глаза слезились, про обоняние вообще молчу, – вспомнила уже я с содроганием.

– От Кровавого Фрея тебя ни одно дерьмо не спасло бы, будь ты в физическом теле, а не магическом...

– Почему? – испугалась я.

– А магический флер ее темной ипостаси? – спросил Элиан у жены. – Как они ее не почуяли?

– Ты сказала, их трое было, кто еще? – обратилась ко мне Лесира.

– Они обращались к друг другу Дашейн и Иор, – кашлянув, ответила я.

Магиня, немного помолчав, задумчиво ответила мужу:

– Она больше не черная, а темная. Тот дом мог принадлежать темному когда-то, или настолько старый, что накопил собственный темный фон. Сам знаешь, для чего служат подобные заброшенные дома, чего там только не творят во благо Церры и Великого Рамоха. К тому же Иор тоже темный, причем, вспыльчивый, как сухостой, мог запросто перебить эманации Лесиры...

В этот момент со стороны города раздался тихий свист и Элиан, вскинув голову, прервал разговор:

– Ты права, дорогая, нам пора.

Я невольно восхитилась абсолютной дисциплине и слаженности этой небольшой, но опасной команды. После жеста Элиана из леса на дорогу вывели лошадей.

Все сели на своих, а вот меня посадили на другого коня, не такого мохнатого, более солидного и холеного. Но по свежим пятнам крови на попоне я догадалась, что с его прежним владельцем произошло что-то нехорошее.

Спустя час, не меньше, я решилась узнать у Лесиры конечную цель нашего путешествия:

- Нам долго ехать? Куда?

- Шесть дней, - ровно ответила она, одарив изучающим меня взглядом. - Мы возвращаемся в Кверег, твой родовой замок.

- Но... нам никак нельзя туда ехать, - испуганно встрепенулась я. - Сама слышала, как обыскивавшие дом маги, я так поняла, они из Клыков Рамдера, говорили, что отправятся в Кверег и захлопнут там ловушку на... меня, черную тварь.

- Даже так? - довольно усмехнулась настоящая черная тварь. Но, отметив мой слишком взволнованный вид, «успокоила»: - Стены Кверега защитят нас от любой опасности, не бойся.

Мне хотелось закричать на нее, нет, заорать, послать куда подальше, удрать, да хоть что-нибудь сделать, чтобы изменить свое положение. И все же я промолчала, лишь вцепилась крепче в поводья и луку седла, чтобы не свалиться с большого и норовистого коня. А мысли метались ураганом, я пыталась найти выход. Да только что я могу против вооруженных магов, не абы кого, а опытных воинов. Никто из них не погиб в засаде Клыков Рамдера и не ранен, адские псы не в счет. Наверняка они по «идейным соображениям» преданы Черной Лесире, по ее словам, сильнейшей в этом мире. Да ей убить, выгнать из тела душу, иссушить магически - плевое дело. Невольно вспомнился черный купол, которым она защищала свой отряд от стрел и фаеров клыков, после него осталась черная, выжженная, безжизненная земля.

Как же мне сбежать от нее, если меня ее поделники даже в городе нашли, нашпигованном законниками и клыками Рамдера, которых сама Лесира боится?

- О чем задумалась? - вырвал из размышлений ее вопрос.

– Об Ариме, – грустно улыбнулась я, озвучив первый пришедший в голову вариант. Пожала плечами и демонстративно расстроено добавила: – Память так и не вернулась, я ничего не знаю о нашем мире, его жителях, традициях и правилах. Да я даже о своей магии ничего не знаю. Вдруг она из-за блокиратора исчезнет...

– Не исчезнет, – ухмыльнулась магиня.

Вот что-то мне подсказывает, что все мои уловки для нее как открытая книга. И я ее скорее развлекаю, чем доставляю неудобства. Ну и ладно, поговорим:

– Почему ты так уверена?

– Источник не появляется из ниоткуда, он передается по наследству от родителей магов, формируется в утробе матери и растет вместе с будущим телом, опутывая его, проникая во все члены и органы. Конечно, у мага можно выжечь источник в любом возрасте, но тогда тело просто погибнет. Потому что магия для мага – это вторая кровь.

– А блокатор...

– Как мы убедились, ты скорее магическое существо, твоя магия работает не совсем так, как у обычных магов. Ошейник просто заблокировал твои возможности, не более того. Доберемся до Кверега, я сниму его, не бойся. Черная Лесира, хозяйка Кверега, не может носить ошейник, ведь так?

Она смотрела на меня с такой хищной ухмылкой, что я смогла лишь покорно кивнуть в ответ, ощущая как по коже разбегаются противные леденящие мурашки.

– Ты научишь меня пользоваться магией? – хрипло спросила я.

– Обязательно, – кивнула она, – тебе необходимо укрепить связь с источником, расширить резерв, и как я говорила, чтобы он стал твоей второй кровью, дыханием, которое ощутят все.

Про себя я мрачно закончила ее мысль: дыханием тьмы, чтобы никто не заподозрил подмену. Вслух же продолжила задавать безболезненные вопросы, касавшиеся мироустройства. Переживать, что меня раскроют, поздно, это уже произошло.

В Кверег мы прибыли на исходе пятого дня. Уставшие, голодные, вымотанные до предела. Ведь уже к закату первых суток нам сели на пятки клыки Рамдера и без усталости гнали как бешеных зверей. Без поблажек, без отдыха, без жалости.

Когда на горизонте среди холмов появилась зеленая долина с настоящим готическим замком в окружении каменных, потемневших от времени стен, не только я, но и остальные заметно выдохнули с облегчением. Я мечтала исключительно об отдыхе, а они радовались чему-то другому, в их глазах горело торжество, как если бы они успешно завершили большое дело. И от этого блеска в чужих глазах, к моей усталости еще и большие опасения добавились.

Глава 5

Кем я стала?

Адвокат просыпается в больничной палате после сложной операции и обнаруживает, что все окна занавешены. Спрашивает:

– Сестра, почему жалюзи опущены? Мне что – вреден яркий свет?

– Нет, просто в здании через дорогу пожар и мы решили закрыть окно, чтобы вы не подумали, что операция была неудачной...

(анекдот)

Кутаясь в плащ и облокотившись плечом о стену у окна, я наблюдала за происходящим внизу «кино». Кверег оказался большим старинным замком с башнями, центральной, донжоном, и четырьмя угловыми. Первая, внутренняя линия оборонительных стен, окружает замок и узкую каменную мостовую, огибающую его по периметру. Из окна моей комнаты под крышей северной

башни казалось, что стоит протянуть руку и дотронешься до верхушки этой стены, хотя до нее не менее десяти метров.

За внутренней стеной с арочными деревянными воротами, обитыми металлом, расположено небольшое поселение с невысокими одноэтажными домиками, где проживают семьи местных обитателей и воинов, и находятся хозяйственные постройки, включая кузницу и казарму. Даже сад и огород есть. В минуты затишья я слышала возню хрюшек, крики петухов, блеяние скота. И все это хозяйство огораживает от неприятеля вторая, внешняя стена, выше первой, с мощными зубьями, за которыми прячутся защитники, обстреливая нападающих. Если бы подобный замок был на Земле, я бы сочла его неприступным. Но на Ариме широко используется магия, поэтому вопрос неприступности Кверега открыт.

Неделю назад, когда мы, наконец, добрались до Кверега, было жутковато проезжать по рву и через ворота внешней стены под бдительным оком наблюдавших сверху, в бойницы, хмурых и суровых стражей, вооруженных до зубов. Вдруг обознаются и решат, что мы враги, ведь весь наш отряд был облачен в наглухо закрытые плащи. Но остановившись в каменном мешке внутреннего двора замка, я в первый момент ощутила немислимое облегчение и чувство безопасности. Ведь теперь мы под защитой стен, и не нужно больше скакать до онемения ног, до голодного рева в животе, засыпая на ходу от невозможности отдохнуть хоть часик.

Но стоило сползти с коня и со стоном выпрямиться, я оказалась под конвоем. По кивку Лесиры подхватив меня под локти, ее громилы грубо втощили меня в сумрачный, прохладный холл, повернули в темный коридор и заставили подняться, наверное, на тысячу ступеней по узкой лестнице, прежде чем оказались на узкой площадке перед толстой дверью. Так я оказалась пленницей в комнатухе, с узкой кроватью с соломенным матрасом и шкурой неизвестного животного, двумя выдавшими виды табуретами, глиняным тазиком, кувшином с водой и, полный отстой, ночным горшком.

К утру следующего дня Кверег оказался в плотной осаде, ни одна мышь не проскочит – через каждые три метра осаждающие жгли по ночам костры, а днем пробовали забраться на стены или порушить их подручными средствами. Но пока защитники замка во главе со своей госпожой успешно сдерживали их натиск. Ведь внутри засели не просто сильные, а черные маги, для которых не существует моральных границ.

За эту неделю я привыкла к тому, что вокруг все аж дрожит от разливающейся в воздухе магии, от которой волоски на коже стоят дыбом будто под электрическим напряжением. А теперь – и к крикам боли и ярости, скрежету металла о металл, всполохам взрывов, которые, казалось, теперь стали звуковым и световым олицетворением дня. Ночью же все замирало, но небеса окрашивало зарево многочисленных костров, так что полноценной темноты не было.

Раскинутый Лесирой над замком черный магический купол, усиливал сумрак, давил психологически и физически. Первые дни он полностью защищал Кверег от любой опасности, будь то магические фэйеры, обычные стрелы, штурм стен. Но вчера ситуация изменилась. Черный купол накрыл багровый и, казалось, неумолимо давил, сжимал, пытался сломать, пробить, разорвать противника в клочья. И ему это медленно, но верно удавалось.

Сначала черный мрак Лесиры стал пропускать стрелы, а сегодня защитники Кверега бились на стенах. Я наблюдала, как на внешние стены в очередной раз за день забросили крюки. Стражи ринулись рубить веревки, привязанные к «кошкам», снизу по ним начали лупить горящими стрелами, отчего подбитые, размахивая руками, сгорали в муках. Пока Кверегу везло – черный купол Лесиры не пропускал магический огонь, иначе боюсь представить, что осталось бы от замка и его обитателей.

Мимо вжикнула стрела; у меня лишь на секунду дрогнуло сердце. Страшно признать, что, оказывается, ко всему можно привыкнуть и достаточно быстро. Вот и я от голода и холода впала в апатию, словно зауклилась, как гусеница прячется от неблагоприятных условий окружающей среды.

В эту минуту на внешнем круге обороны снова погиб защитник: вылез за стену, что-то рассматривая внизу, – и его метко сняли стрелой. В душе крепчал лед, вымораживая нутро, хотя от голода и холода, и так подрагивали руки и ноги.

– Смотрю, ты уже встала, Леся? – прозвучал ненавистный голос Лесиры.

Я внутренне содрогнулась, но нашла силы спокойно повернуться к ней, к непредсказуемым маньякам спиной лучше не стоять, и сухо поправила:

– Олеся.

Да-да, в Квереге эта тварь сбросила маску заботливой кузины и устроила мне жесточайший допрос. Теперь ей точно известно, что я иномирянка, Олеся Викторовна Щепкина, двадцатитрехлетняя жительница планеты Земля, которая о магии имела смутное представление. Буквально выпотрошив из меня все интересовавшие ее сведения, Леси́ра даже позабавилась. Сказала, Высшие – великие шутники, ведь даже наши имена созвучны, что я категорично отвергла. Лесей меня звали родные и любимые, родное ласковое имя в устах этого монстра звучало издевательством. Приговором!

Но Леси́ра – черная душа – отметив мое неприятие «сходства», обращалась ко мне только так, коротко, убивая во мне частичку прошлой жизни, марая память о родных.

– Как же тут воняет, – поморщилась подлая гадюка, зайдя в комнату и остановившись в центре.

На неприкрытое оскорбление лучше отвечать равнодушно, что я и сделала:

– Ты не разрешила принести мне чистую одежду на замену грязной. Приходить сюда прислуге тоже запрещено, поэтому горшок я хоть и выливаю в окно, но помыть не могу. Как и вымыться самой.

Хорошо поесть удалось неделю назад, в день появления в Квереге, и то нечаянно. Неосведомленные слуги, узнав о возвращении «великой и ужасной Черной Леси́ры-Девственницы», хоть и тщательно прятали недоумение, принесли мне в комнатку полноценный ужин. И я, наплевав на «зрителей», которые суетливо таскали воду в лохань, жадно слопала все под чистую, что находилось на подносе. А вот помыться не успела. Ворвался разъяренный Элиан и взашей всех выгнал, еще и приказал убрать лохань.

С того момента мне ежедневно давали только кувшин воды и корку хлеба. И если вначале я расходовала воду, чтобы хотя бы умыться и протереть тело влажной тряпкой, то уже к концу второго дня пришлось выбирать, стоит ли чистота голода и жажды. Ведь вода, как выяснилось, может ненадолго притупить голод.

– В идеале мучиться должна была ты, а не я, но тут слишком воняет для моего чувствительного обоняния, – хмыкнула Леси́ра, а потом удивила, предложив с кривой ухмылкой. – Ну ладно, так даже лучше, научу тебя простейшим бытовым заклинаниям, чтобы облегчить себе пребывание рядом с тобой. Как мы обе понимаем, ты должна сохранить чистоту и красоту.

Внутри у меня росла черная дыра, которая высасывала все эмоции и силы. Хотелось гордо выкрикнуть, что мне от нее ничего не надо, но чистота сейчас воспринималась последним оплотом человеческого достоинства, ведь всего остального меня лишили.

– Валяй, – вернула ей кривую ухмылку. – Только на мне блокатор, который ты не сняла, хоть и обещала. А как без магии очиститься?

В храме Церры девушка с голубыми глазами выглядела лучиком света. Волосы, заплетенные в тугие косы, сияли, золотистая кожа в веснушках, которые добавляли очарования, большие глаза, пухлые губы, стройная фигура с высокой грудью, тонкой талией и крутыми бедрами – все это многих бы восхитило. Сейчас, кроме цвета глаз, в самозванке вроде ничего не изменилось, но для меня она олицетворяет исчадие ада. Еще и наряды теперь носит, подобранные для состоятельной деревенской девицы: симпатичные яркие платья или белые рубашки с вышивкой и пышными юбками. Она играет другую личность, да только не спрятать черные глаза, из которых на любого смотрит бездна, жаждущая поглотить, выдрать из тебя все светлое и хорошее.

Судя по тому, что даже со мной Черная Леси́ра забывалась и начинала смотреть искоса, пряча бездну мрака за пушистыми ресницами, она уже привыкла скрывать свою суть и всем обитателям замка морочит головы ангельским видом. Наверняка великая лаверская комбинаторша разыгрывала сценарий, где я проклятая черная магиня, а она Велина Летняя, троюродная кузина, бедная родственница. Иначе почему ко мне посторонних не пускали, за редким исключением.

Поэтому сейчас, глядя на миловидную девчонку в вышитой красным узором белой рубашке с пышными рукавами, в красной юбке и сапожках с острыми носами, я дрожала не только от голода и холода, но и от ненависти и страха.

– Мы же с тобой уже выяснили, что ты сильный маг, твоя магия просачивается сквозь блокатор. На поддержку чистоты ее точно хватит, – просветила Лесира, удобно располагаясь на ближайшем табурете.

Я содрогнулась от воспоминаний. Три дня назад, после двух дней моего заключения, голодовки и осады замка, Лесира заявила в компании Элиана и двух мужчин простолоудинов. Эти взрослые деревенские мужики жались к стене и испуганно исподлобья смотрели на меня. На меня, а не на Велину-Лесиру!

Но она быстро привлекла их внимание, когда танцующей походкой обошла меня, испуганно сжавшуюся и готовую к нападению, а дальше, совершенно искренне пожаловалась на упрямых и злобных Клыков Рамдера, осадивших ее обожаемый замок. Ведь они тянут из нее все силы, вынуждая держать мощный защитный купол. С милой улыбкой подошла к растерянному ее откровениям мужику, глаза которого округлялись по мере ее приближения, и словно в поиске защиты приникла к его груди. Затем, глядя как темнеет, высыхает и скукоживается тело этого здорового «защитника», превращаясь в мумию, кричали от ужаса двое, второй незнакомец и я, забившаяся в угол.

Отряхнув ладошки, стоя над иссушенной первой жертвой, Лесира пожала плечами, кажется еще более искренне недоумевая, почему я дышу как загнанная лошадь и смотрю на нее как на исчадие ада. «Щедро» предложила и мне «подкрепиться». Не получив ответа, за секунду окутала второго мужчину черными магическими жгутами и начала из него вытягивать жизнь. Теперь я выла и скулила от ужаса в одиночку, ведь Элиан сохранял свое бесстрастное и бездушное спокойствие. Даже когда его истинная пара скользнула к нему и поделилась с ним чужими жизненными силами, буквально окутав его этой кошмарной тьмой. Наоборот, будто отдохнул и наелся сытно, выпрямился и расправил плечи.

После Элиан выволок меня, отчаянно брыкавшуюся и оравшую, из угла и держал, пока Лесира пыталась силой и мне залить своей черной магии – проверяла, могу ли я питаться ею.

Не смогла! Больше того, сначала я бессознательно, инстинктивно возвела вокруг себя непроницаемый щит, чем пресекла любые попытки наполнить меня чужой магией, а потом не менее часа меня буквально на изнанку выворачивало тем, что все же успело проникнуть. Правда не едой, а желчью, смешанной с чем-то черным, словно я мазута перед этим наелась.

А Лесира яростно шипела, что я неблагодарная дрянь. Ведь она тратится на купол, защищающий Кверег от врагов, а я тут привередничаю, понимаешь ли, выплевываю ценный ресурс, в то время как источников жизненных сил в осажденном замке осталось немного! Я же затравленной мышкой сжималась на полу, осознав чудовищную правду: эти жертвы не первые и уж точно не последние, ведь конца и края осаде не видно. А купол требует постоянных магических затрат.

Но самое горькое, созданный на голой панике, ужасе и рефлексах магический щит, быстро истаял. Трансформироваться в тучку я не смогла. Еще и энергию щит из меня высосал, как пылесос. Есть хотелось нестерпимо, в животе словно костер горел.

Вырвавшись из воспоминаний, я невольно коснулась ошейника – проклятая штука, чтобы не делала, не сняла, лишь кожу содрала и больше ничего. Но я не ручная псина, поэтому все же огрызнулась на ее «мы же с тобой уже выяснили»:

– Забыла. От голода, наверное.

– Я тебе приводила прекрасное блюдо, но ты же отказалась, – улыбнулась она, словно о латте или кусочке торта говорила. Еще и передразнила мой сиплый от ужаса вчерашний отказ, когда приводили очередную жертву: – Он невкусный...

Я промолчала. Что сказать маньяку, который каждый день на моих глазах убивал обитателей замка? Буквально иссушала людей, чтобы поддерживать собственный магический ресурс. И каждая, каждая жертва, как и первые, жалась к стене и испуганно смотрела на меня, а не золотоволосую девушку с веснушками на носу и скулах. А потом они изумлялись, встречаясь взглядом с самой смертью.

– Хочешь знаний? – вкрадчиво шепнула Лесира, подавшись ко мне.

– Хочу, – выдавила я подобно придушенной кошке. До сих пор не могу привыкнуть к тембру своего голоса.

Следующий час Леси́ра старательно и терпеливо обучала меня бытовым заклинаниям, что просто сбивало с толку. Как, ну как можно быть одновременно прекрасным учителем, сумасшедшей исследовательницей, черным магом, убийцей и маньячкой? Все это именно о ней. Когда у меня получилось навести порядок не только в комнате, но и почистить свои вещи и даже себя, я поняла, зачем столько усилий потрачено на ту, что скоро казнят.

Ведь Леси́ра никогда ничего не делает просто так – освоенная пара заклинаний выкачала из меня последние крохи магии. И обострила основные инстинкты: найти еду и защитить себя. Леси́ра еще час с садистским удовольствием читала лекции по истории Арима, касалась географии, рассказывала о флоре и фауне. Ну и наблюдала, как я, обнимая себя руками, раскачивалась как болванчик, пытаюсь унять боль. Да, за все нужно платить, за оставшуюся каплю собственного достоинства тоже.

Вскоре в моей «камере» появились другие посетители: пара новых адских гончих, или, на Леси́рин лад, раджаны, и сопровождавший истинную черную пару в храм Церры и обратно в Кверег воин по имени Торшес, если не ошиблась. Твари, похожие на помесь дикобраза со скорпионом, счастливо порывивая, подбежали к Леси́ре и та их поощрительно потрепала по макушкам, не отрываясь следя за мной. Я понимала почему ей интересно. Потому что сама следила голодным зверем за самыми кошмарными существами, которых когда-либо видела. И испытывала лютей голод, ведь зверюги с первого моего дня на Ариме пахли невероятно аппетитно. А сейчас просто невыносимо притягательно и вкусно!

Сама не заметила, как на четвереньках поползла к ним, жадно принохиваясь, втягивая носом пьянящий аромат зла. Леси́ра вскинула руку и, указав на меня, весело приказала:

– Взять ее!

Наверное, я никогда не вспомню, что и как произошло дальше. Мы, я и адские гончие, кинулись навстречу друг к другу. Я – словно впереди меня ждал стол, ломившийся от сочного жареного мяса и кусняшек, они... наверное, тоже так думали обо мне. Но наше скрученное в единый рычащий клубок трио быстро распалось на отдельные части. Я впервые за последние шесть дней насытилась, наполнилась энергией, улыбалась как дурочка, сидя на полу. А вместо тварей рядом со мной скулили два задрипанных пса в проплешинах, с колючей

проволоккой на шее, кажется, именно она изображала ранее иглы дикобраза. Потянулась к ним, чтобы успокоить, а бывшие inferнальные монстры, поджав куцые хвосты, с визгом кинулись прочь.

– Занятно! – довольно рассмеялась Лесира.

А вот меня ее довольство совсем не обрадовало, а быстро привело в чувство и дико напугало. Эта маньячка радостно смеется только убивая или собираясь убить. Я затравленно огляделась и увидела, что уселась практически в ногах Торшеса, который с удивлением рассматривал меня.

Глядя на этого до зубов вооруженного холодным оружием мужчину, мага, мне пришла в голову интересная мысль. Встав, благо теперь не дрожала от слабости, я будто нечаянно привалилась к Торшесу и, как Лесира недавно, начала выкачивать из него, но не жизненную силу, а зло, которое в нем скопилось. Что происходит, он понял не сразу, а когда в нем того зла осталось на доньшке. Увы, вместо ожидаемой поддержки и защиты, я получила от него такую затрещину, что отлетела обратно к стене.

– Эта тварь ослабила мою магию! – возмущенно взревел Торшес, наступая на меня.

– Не смей! Она нам нужна целой и невредимой! Забыл?! – зашипела Лесира.

Торшес виновато, покорно склонил голову:

– Простите, леди.

А Лесира встала рядом со мной и пока я трясла головой, пытаюсь избавиться от звона в ушах, наклонилась и вкрадчиво уточнила:

– Считаешь себя самой умной? Думаешь, за неделю на Ариме разгадала все тайны и суть магии?

– Нет, – прохрипела я.

– Не ври! – фыркнула Лесира, выпрямилась и, глядя свысока, просветила: – Раджаны – лучшие защитники хозяина с нерушимой привязкой. Чтобы создать их, понадобилось древнее, редкое заклятье, уйма сил и времени. Надо было провести объект через обряд первородного Зла, полностью изменить его, трансформировать в кошмарную тварь, наделить смертельными способностями и умениями. Воплотить все страхи живых в кошмарной твари для защиты хозяина. И мне стоило огромных трудов создать четверых раджанов. Пару из них убили Клыки Рамдера, двух других ты сожрала за минуту, словно это тарелка супа.

– Надо было лучше меня кормить, тогда бы я не кидалась на всяких тварей, – посоветовала я, внутренне ежась от ужаса.

Лесира молчала с минуту, сверля меня изучающим взглядом, словно энтомолог букашку под стеклом. Наконец, села на табурет рядом с постелью, но так, что теперь я была у ее ног, как та самая псина ручная. И вкрадчиво, с показным любопытством спросила:

– Неужели ты и в правду решила, что, высосав зло из Торшеса, убедишь его встать на твою сторону?

– Я не...

– Нет, спрошу иначе. Неужели ты и правда решила, что в людях все зло – чужое? Навязанное, внедренное, а не следствие веления души или целенаправленных действий разума? Ты наивно полагаешь, что все светлые и добрые, а зло совершают против воли?

– Сложный вопрос, – тяжело выдохнула я, скосив глаза на Торшеса.

Видела же, чуяла все еще голодным магическим нутром, что внутри у него чисто, я избавила его от скопившейся там тьмы: негативных эмоций, отголосков чужих проклятий, тонны эманаций от черной магии. Все-все подчистила, но Торшес по-прежнему стоял, заложив большие пальцы рук за ремень и смотрел на меня как на грязь. Еще и зло обвинил:

– Сколько старался усилить свою магию Тьмы – а ты все высосала, тварь. Ослабила на месяц, не меньше!

Леси́ра расхохоталась, отметив на моем лице, что я думала по поводу отповеди ее доверенного лица за мои «заслуги». Отсмеявшись, как обычно, с удовольствием истинного педагога пояснила:

– Не навязывай добро, если не просят! Иначе оно тоже станет злом. И прими истину: не все жаждут быть светлыми и чистыми от зла. Кого-то привлекает другая сторона, темная. Ведь все в мире требует равновесия.

Я встала, просто чтобы не сидеть в ее ногах, и совершенно искренне признала:

– Спасибо за урок. Ты права, глупая была идея переманить его на свою сторону. Рядом с самым сильным черным магом Арима на сегодня, какой ты себя считаешь, вряд ли в телохранители затесались просто обманутые или заколдованные добрячки. Но попытаться стоило. Надежда умирает последней.

Действительно, в нашем мире нет магии и первородного Зла, который можно призвать из-за грани миров, но и на Земле много как хороших, так и плохих людей. Они-то тоже не заколдованы, а совершают... Эх...

– Ладно, про твое воспитание и устои мне понятно. Теперь скажи, Леся, как тебе Торшес на вкус? И если ты попробовала его, то почему не моя магия? – Леси́ра даже подалась ко мне всем телом в ожидании ответа.

– Тьма, скопившаяся в тебе, твоя магия вызывают не просто отвращение, а непреодолимое отторжение, – откровенно ответила я.

Но Черная гадина, получив, по сути, оскорбление, наоборот, обрадовалась и приосанилась.

– Я – чистый мрак, на верхней ступени у храма Хаоса. И таким, как ты, уже не по зубам, – усмехнулась она. – А он?

– Торшес накопил в себе слишком много грязи и совершенно не вкусный. Не вызвал ни капли аппетита, я заставила себя очистить его от зла. Ощущение, что болотной жижи хлебнула, отравиться можно запросто.

– А чем тебя привлекли Раджаны?

– Они с первого дня как увидела вызывали у меня голод и аппетит. Мне кажется, потому что ты их принудительно изменила, заразила Злом. Сами по себе они были обычными собаками.

Торшес преданно смотрел на свою госпожу, ожидая что она скажет.

Леси́ра молчала долго, возможно, изводила меня неизвестностью, прежде чем сказать:

– Знаешь, ты меня сейчас сильно удивила и разочаровала.

– Почему?

– Я поняла, кто ты. Проклятийник.

Я же мысленно хмыкнула, скорее ассенизатор. А вслух уточнила:

– Что это за маг? Что я могу?

– Ты совершенно бесполезна как маг.

– Но почему? – я расстроилась.

– Я уже говорила ранее, у тебя нарушено равновесие между энергиями твоей души и магии. Дисбаланс деформировал твой источник и резерв. Полностью их изменил.

– Я не совсем...

– Проклятийники – высшая форма темных магов. Они всего на ступень ниже черных, скажем так, рубежники. Их проклятья смертельны и мучительны, а если маг силен, то и необратимы. Твоя вторая форма как раз говорит о том, что ты невероятно сильный проклятийник. Только такие как ты способны проклинать целые народы, королевства. Поэтому этот вид темных, как и черных магов, отнесли к запретным, подлежащим уничтожению.

– И я... – просипела я.

– А ты магический урод, – сухо припечатала Лесира, – обратная сторона проклятийника. Высасываешь всю темную и черную энергию, наведенные проклятья, питаешься накопленным кем-то злом. Ведь даже просто плохие чувства и эмоции со временем превращаются в зло, как раз объедки для тебя. И твоя... тучка – это не оружие массового поражения, как должно было быть в идеале, а всего лишь форма собственной защиты. В общем-то, ты просто насмешка, пародия на великого мага, а не проклятийник.

– Значит, я не ошиблась и действительно ассенизатор, – сделала вывод я.

Заключение Лесеры о моей бесполезности как проклятийника и великого мага меня не задело в худшем смысле, не унизило и не расстроило ни капельки. Скорее принесло облегчение. С момента пробуждения в новом теле я боялась стать настоящим черным магом, жрать чужие души, жизни, магию. А раз нет, так и нечего печалиться.

– Что означает это слово? – вскинула золотистые брови Лесира.

– Ассенизатор? – грубить не стала, но насмешку скрыть не смогла. – Кто подчищает грязь за разными неаккуратными людьми. В целом, очень нужная и востребованная (чуть не сказала профессия) магия.

Лесира встала с табурета, я тоже поднялась с постели. Она вытянулась напротив меня, но из-за того, что я на полголовы выше, ей пришлось смотреть снизу вверх. Хе-хе, хоть одна радость. Мы сверлили друг друга злобными глазами, но я, хоть и боялась, была спокойна за свою жизнь. Пока. Я им еще нужна, а значит – побарахтаемся!

– Торшес, в центральную башню ее! И проследи, чтобы отмыли и переодели согласно статусу.

– Леди, что насчет еды? – уточнил он.

– Она наелась, хватит с нее, – прошипела Лесира, все же сорвавшись.

Глава 6

Куда ведут хозяйские покои

Падает самолет. Пилот сказал стюардессе, чтобы та предупредила пассажиров приготовиться к аварийной посадке. Через несколько минут пилот спрашивает стюардессу, все ли заняли свои места и пристегнули ремни.

– Все, – отвечает стюардесса, – кроме одного адвоката – он до сих пор раздает свои визитки.

(анекдот)

Из зеркала на меня смотрела измученная девушка: овальное лицо с идеальными чертами, черные дуги бровей и пушистые ресницы подчеркивают большие синие лучистые глаза, аккуратные ноздри изящного носа трепещут в напряжении. Розовые губы, мягкие, чувственные, недовольно поджаты. Белая кожа лица контрастирует с волосами – настоящим украшением, блестящей черной волной, спадающей ниже спины. Ой, теперь разбавленной несколькими медными прядями, будто после мелирования. Пара самых крупных медных локонов обнимает девичье лицо, смягчая холодную, словно неживую, красоту, добавляя красок. Но, увы, подчеркивая покрасневшие глаза и залегшие под ними тени.

Длинное платье, если ориентироваться по моде Земли, – из средних веков; на первый взгляд, строгое, на второй – вполне нарядное. Широкий ворот открывает шею, ключицы и большую часть изящных плеч. Дальше мягкий черный бархат плотно облегает торс, шнуровка на спине подчеркивает грациозный силуэт, тонкую талию, высокую грудь и округлые бедра. Ниже талии верхнее платье расходится клиньями, открывая складки нижней юбки из молочного батиста. Рукава тоже скроены интересно и нарядно: колокольчиком расширяются от плеча и тоже сшиты из двух слоев ткани, верхнего – из черного бархата и нижнего – молочного батиста. По вороту, по юбке чуть ниже талии и клиньям, а так же краям рукавов бежит филигранная золотистая вышивка.

Из украшений на этой потрепанной жизнью нимфе – тонкий черный металлический ошейник без следа застежки или стыка. Хотелось содрать эту проклятую штуку, разорвать, сломать хоть как-нибудь, но не вышло. Только

кожу поцарапала и натерла до красноты, не более. Даже высосать из него магию не получилось, похоже, ко Злу она не имела отношения.

Помимо эфемерно-красивого создания в моем лице, к виду которого еще привыкнуть надо, отражалась и комната. Просторная, с высокими стрельчатыми окнами, тяжелыми бархатными портьерами на дверных проемах, с паркетом из темного дерева, широкой кроватью под балдахином, парой изящных кресел и наконец туалетного стола при зеркале, в которое я смотрелась. Судя по количеству различных баночек, распространявших цветочный аромат, и других женских штучек, хозяйка покоев неустанно пеклась о своей внешности.

Но главное, что было в этих покоях, – большая купальня, где я, к своему полнейшему счастью, помимо собственно купальни обнаружила пусть допотопный, а-ля дырка в полу, туалет с канализацией и даже смывом: дерни за веревочку – водичка все смоем. Глядя на этот признак прогресса, я улыбалась, как дурная, даже заставила немного поволноваться парочку затравленных «мною» служанок, которым Велина-Лесири приказала привести «леди» в порядок. И мылась я в каменной ванне-купальне с горячей водой из-под крана, правда, как потом выяснилось, ее нагревает «примитивный» артефакт, встроенный в вентиль, а по трубе течет холодная. Боже мой, как же ошеломительно приятно было окунуться в горячую ванную с пышной ароматной пеной и увлажняющими маслами. В общем, в порядок мое многострадальное тело привели за час.

Но от переселения в хозяйские покои в центральной части замка на втором этаже, я не испытала настоящей радости. Потому что все нутро противно дрожало в этом логове Черной Лесири, до основания пропитанном омерзительной черной магией. И что еще более важно – от пугающего ощущения надвигающейся чудовищной развязки, где я буду жертвой на алтаре. И плевать на чьем: самой Лесири или ее преследователей. Ведь не зря же меня внезапно переселили, отмыли и приодели.

– Нравится, какой ты стала? – голос Лесири раздался уже привычно, когда не ждешь, вкрадчивый и самодовольный.

А вот и она сама появилась за спиной моего отражения в высоком овальном зеркале в оправе цвета бронзы. Мы скрестили взгляды, словно фехтовальщики на поединке, выискивая слабые места. После выяснения моих магических способностей и особенностей «питания» прошло не более пары часов, и вон она

снова здесь, рядом, не дает расслабиться и хоть чуть-чуть дух перевести. Не к добру это участившееся внимание. Я ответила сухо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/olga-guseynova/aromat-t-my>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)